

ИЗ ЗАЛА СУДА

Г РЯБОВ, А. ХОДАНОВ

**КОНЕЦ
«ГОЛУБЫХ
МОТОРОВ»**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Г. РЯБОВ, А. ХОДАНОВ

КОНЕЦ «ГОЛУБЫХ МОТОРОВ»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА-1961

34С6 + 39
Р 93

**Рябов Гелий Трофимович,
Ходанов Алексей Иосифович**
«КОНЕЦ „ГОЛУБЫХ МОТОРОВ“»

Редактор *В. М. Чикул*. Художник *Б. А. Диодоров*. Художественный редактор *И. Ф. Федорова*. Технический редактор *Н. М. Тарасова*. Корректор *Ю. С. Захарова*.

Сдано в набор 26/XII 1960 г. Подписано к печати 28/II 1961 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂.
Объем: физ. печ. л. 2,0; условн. печ. л. 3,28; учетно-изд. л. 3,32. Тираж 100000. А-01974.

Цена 8 коп.

Заказ № 2050.

Госюриздат — Москва, Б — 64, ул. Чкалова, 38 — 40.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград,
Измайловский пр., 29.

Каждый год, когда начинали цвести тополя, Бурцев приходил на этот мост. Медленно шел вдоль узорчатой чугунной ограды, потом останавливался, сняв шляпу.

Над рекой и улицами весело неслись в бесконечном хороводе сверкающие тополинки, покрывая похожим на иней налетом деревья и тротуары. Бурцев провожал их глазами, чувствуя, как прошлое властно напоминает о себе.

То был такой же погожий летний день, и так же бушевала над городом тополиная пурга, засыпая асфальт белыми пушистыми цветами. Но не знал тогда Бурцев, что летят эти цветы на могилу друга.

Саша Мотыльков... Один из лучших курсантов в школе, один из лучших оперуполномоченных в отделе.

Приказ по управлению был сухим и коротким: «В результате тщательно подготовленных и умело проведенных оперативно-розыскных мероприятий в городе

раскрыта и обезврежена группа преступников, похищавших личные автомашины граждан. Дознание и последующее расследование в прокуратуре вскрыли...»

А Саши не стало. Что ж... Борьба не бывает без жертв. Но Бурцев верил: придет время и не останется ни одного человека с черной и грязной душой. И тогда исчезнет, сотрется в памяти само слово «преступление».

А тем, кто не дожил, кто в годы борьбы ушел из жизни для счастья людей, всем скромным солдатам незримого фронта когда-нибудь в лучшем городе, на широкой красивой площади поставят памятник вечной славы...

Мысли бегут, сменяя друг друга. Погруженный в воспоминания, Бурцев не видел, как рядом с ним остановился высокий парень с угрюмыми, сросшимися над переносицей бровями. Поставил небольшой чемодан у ограды, робко, едва слышно сказал:

— Гражданин... Товарищ... Товарищ капитан!

Бурцев оглянулся. Игорь?! Да, это он. Похудевший, осунувшийся, в обветшалой тужурке с потемневшими молниями. И снова в ушах нарастает сирена «скорой», и снова, как наяву, видит Бурцев исковерканную «Волгу». Медленно вращаются над пятнадцатиметровой пропастью колеса, глубоко врезались в капот зазубренные края ограды. Вокруг толпа, чьи-то возмущенные возгласы, а рядом с машиной врач, склонившийся над неузнаваемо изуродованным телом Мотылькова... Из-за руля со стоном выбирается бледный, с искаженным от боли и страха лицом парень в новенькой тужурке с блестящими молниями...

Неужели прошло пять лет? Не верится... Кто же ты теперь, Игорь Гарцев? Глаз не прячет — это хорошо! И сразу, в первый же день, пришел сюда. А может быть, случайно? Может быть, этот честный, прямой взгляд — игра? Вернется домой и, равнодушно приняв приветствия взволнованных близких, снова возьмется за старое?

— Товарищ капитан... Я знаю, настоящее прощение впереди, но верьте, я заслужу, я...

Что ответить ему? Сказать, что все равно нет Саши? Но он, наверное, понимает это, иначе не пришел бы. Сказать, что потерявшему лучшего друга трудно, почти невозможно простить преступника, убившего этого

друга? Но Игоря освободили и, значит, многое простили.

Нет! Как бы ни было Бурцеву трудно, он не оттолкнет его.

— Я хочу верить, Игорь. А остальное... остальное зависит от тебя. Только от тебя.

* * *

Когда Бурцеву поручили расследование дела об угонх автомашин, его предшественник передал ему три светло-желтых картонных папки с лаконичной надписью: «Дело №...».

Шли дни, а решение задачи оставалось таким же далеким, как и в первый день работы. На большом плане города, висящем на стене в кабинете, было три флажка, и это означало, что угнанные машины не найдены.

Бурцев почернел от недосыпания, стал раздражительным и резким. Дома почти не бывал и с горечью думал, что, если и дальше будет также возиться с этим делом, Витька совсем отвыкнет от него и, чего доброго, перестанет узнавать. А Лида? Конечно, она жена работника уголовного розыска и, значит, особенный человек, но ведь и у «особенных» есть предел терпению...

Да, пока что, несмотря на все усилия милиции, автомобили не находились. Они исчезли в бесконечном лабиринте улиц. Правда, за двумя машинами удалось организовать погоню, но водители оперативных машин не в состоянии были соревноваться с угонщиками ни в скорости, ни, пожалуй, в мастерстве.

Общеизвестно, что один факт — это только факт. Насколько аналогичных фактов превращаются в систему. Система дает возможность сделать вывод. Каждый раз, просматривая дела и перелистывая протоколы допросов, Бурцев напряженно думал, стараясь отыскать хоть какой-нибудь намек на систему. Но системы не получалось. Да и попробуй найди ее, если потерпевшие даже не предполагают, кто мог совершить кражу.

...Перед Бурцевым лежит заявление академика Сомова. Он сообщает: «В воскресенье утром, собираясь ехать на дачу, я обнаружил свой автомобиль в пяти-

стах метрах от обычной стоянки. Видимо, преступник не довел до конца начатое дело только потому, что кончился бензин...»

А вот протокол допроса заявителя:

«— Кого вы можете подозревать?

— Не знаю... Правда, не так давно был случай, когда мне пришлось выгнать из гаража одного рыжего парня, явившегося по рекомендации чистить карбюратор и систему подачи. Он назвал себя Лево́й.

— Чья это была рекомендация?

— Уже давно — дату, к сожалению, запомнил — в библиотеке я повстречался с аспирантом-историком Георгием Пятновским. Как и я, он изучает древний Египет. Имеет машину. Эти два обстоятельства и явились причиной нашего знакомства. Пятновский много лучше меня разбирался во всех технических сложностях, поэтому при мелком ремонте я пользовался его услугами. Работая, мы обычно обсуждали проблемы, связанные с нашествием гиксосов, взаимно извлекая пользу: я рос, так сказать, технически, Пятновский — исторически... Дней шесть назад в связи с тем, что мотор стал работать плохо, я попросил Пятновского проверить его. Он высказал предположение, что дело в карбюраторе, обещал прийти посмотреть, но заболел и прислал вместо себя рыжего. По телефону он рекомендовал его своим студентом.

— Почему же вы выгнали рыжего?

— Помнится, по привычке я задал этому Ле́ве вопрос из истории древнего Египта. Он сказал какую-то чушь. Я сделал ему замечание. Он дерзко ответил, что у него и без фараонов хватает забот. Я его выгнал. Пятновский потом звонил и извинялся...»

Бурцев перевернул страницу. Протокол очной ставки Сомова и Пятновского:

«— Знаете ли вы сидящего напротив вас гражданина?

— Не имею ни малейшего о нем понятия!

— Вы что скажете, гражданин Пятновский?

— До сего времени не имел чести быть знакомым лично с академиком Сомовым...

— Откуда вам известно, что это Сомов?

— Я — аспирант и в настоящее время работаю с книгой академика. В ней есть его портрет».

Итак, очная ставка показала, что неизвестный, который выдавал себя за Пятновского, по всей вероятности, и пытался угнать машину Сомова. Этот случай был единственным, способным пролить свет на все дело, но только при условии, если бы удалось найти сходные обстоятельства и в остальных эпизодах. А они пока что не отыскивались.

* * *

Высокий парень с прилизанными светлыми волосами и коренастый загорелый брюнет медленно брели по бульвару и молчали. Говорить не хотелось ни Эдику, ни Сержу.

— Сядем? — Эдик кивнул на скамейку.

Присели. Серж, затягиваясь сигаретой, сказал:

— Руки дрожат.

— Ничего, старик, — Эдик ласково похлопал его по плечу, — пройдет.

— И знаешь, — не унимался Серж, — поглядел я сегодня на себя в зеркало, а на висках белые волосы. Отец в мои годы тоже поседел, но он какую жизнь прошел!..

— Наследственность, стало быть, тяготеет?

Серж покачал головой.

— Отец бывал в таких переделках, что подумать страшно. С басмачами дрался. К расстрелу его приговаривали. Едва бежал.

— У тебя, старик, не меньше приключений. А что касается опасностей, то, извини, не знаю, у кого их больше: у тебя или у твоего отца.

— Эх ты! — Серж схватил Эдика за рукав. — За что отец рисковал, и за что я. Разница-то какая, а?

Он тяжело вздохнул.

— Водки хочу.

— Не дури, в такую-то жару!

— А, черт! — Серж ударил кулаком по колену, отвернулся. — Видел бы батька, чем его сын занимается. А ведь он меня Серго назвал. В честь Орджоникидзе. А ты — Серж!

— Ну, ну, успокойся, — губы Эдика тронула снисходительная улыбка, — я тебя понимаю. У каждого бы-

вают срывы. Особенно на нашем месте, когда из-за этих проклятых условностей жизнь воспринимается не такой, какая она есть.

Он вытащил сигарету и, пуская кольца дыма, глубокомысленно продолжал:

— Давай разберемся, старик, в этом хаосе. Ты сравнил свою жизнь с жизнью отца. Отец дрался за революцию, за правду. Теперь условия не те. А думаешь, если б мы жили в девятнадцатом, мы что, сложа руки сидели бы? Все это в прошлом, кануло в толстые учебники истории. Мы живем в другое время. Революции нет. Есть тихая жизнь. Вот ты подумай сам: чем забита голова каждого? Мыслями о деньгах — и только. Есть у тебя большие деньги — ты сам себе хозяин. Может быть, ты хочешь строить города на целине? Чтоб через десять лет, утонувших в поте, назвать центральную улицу улицей Горького? А для чего? Чтоб на ней новые «сержи» протирали подошвы?..

— Нет, Эдд, — убежденно сказал Серж, — не то ты говоришь, не то. Я не умею так болтать, но чувствую нутром — не то. Ты ведь про главное-то и не сказал. Ведь мы — преступники!

— Тише ты! — угрожающе пробормотал Эдик. — Понятие преступления, старик, это условное понятие. Ты считаешь, что это преступление. Я — нет. Не веришь? Изволь, докажу. Нам нужны деньги...

— Опять ты за свое — деньги, деньги! Зачем они нам, Эдд? Разве, в конце концов, не хватит той тысячи, которую можно заработать честным трудом? Ведь тогда можно будет спокойно спать! А так... Ты знаешь, Эдд, мне стыдно... Совесть заедает!

— Ха, у него есть совесть! — брезгливо поморщился Эдик. — Чья бы корова мычала! А вспомни, как ты на той неделе грабанул машину на Комсомольской? Где же была твоя совесть, старик? Давай-ка лучше замнем этот разговор и пойдем, а?

— Нет, погоди... — Серж облизал губы. — Пришла мне в голову одна мыслишка. Что, если нам явиться с повинной, а?

— Ты... серьезно?

— Да. Я долго думал.

— Вот как?

— И пришел к единственному решению. Надо идти в милицию. Лучше их опередить. Меньше дадут, Эдд. Сейчас тем, кто признается и раскаивается, условно назначают, понял?

Эдик, побледнев, ослабил узел галстука, расстегнул рубашку.

— Как душно, старик... Так ты серьезно?

— У меня есть план, слушай...

— Ну-ну, — Эдик похлопал его по плечу, придвинулся ближе, — Расскажи-ка...

* * *

Когда Майка вошла к Эдику, тот, раздевшись до пояса, старательно выжимал двухпудовую гирю. Молча кивнул, осторожно поставил гирю на стол, сказал, массируя бицепсы:

— Серж — предатель. Он требует, чтобы мы явились с повинной. Если не явимся послезавтра, он нас выдаст.

— Чего это он вдруг? — произнесла Майка.

— Идиотская щепетильность, чувствительность, сентиментальность, страх и прочие низменные чувства и побуждения.

— Что же делать?

— Я уговорил его совершить завтра еще один угон и отметить этот день прощальным ужином.

Красноречиво глядя на Майку, он приподнял гирю и поставил ее на миниатюрную фарфоровую пепельницу. Хрустнуло.

— Я боюсь... Но с тобой легко. Женщинам нравится, когда мужчина все может.

— Но мужчина, который стоит перед тобой, может, увы, не все, — усмехнулся Эдик.

— Мы еще поговорим об этом, — сухо сказала Майка, отстранив руку, пытавшуюся ее обнять. — Во всяком случае, мы — друзья.

— Я ценю это, — серьезно сказал Эдик, — и поэтому завтра мы поедем втроем.

Майка в волнении прошла по комнате, прижала пальцы к вспыхнувшим вдруг щекам.

— Хорошо.

Ссутулясь, подошла к окну и вдруг затряслась, как в ознобе.

* * *

— Значит — лады? — весело спросил Серж.

Эдик улыбнулся, повел плечом: дескать, что подёлаешь, все логично. Он не смотрел Сержу в глаза.

Это была «Волга» серого цвета с запоминающимся номером: ЭХ 21-21. Неподалеку от автобусной остановки, привалившись к водосточной трубе, стоял Слава и читал книгу.

— Порядок, — прошептал Серж.

Они подошли к машине. Серж спокойно раскрыл дверцу, сел на сиденье, деловито достал связку ключей зажигания. Ткнул один, второй, третий подошел. Усмехнулся:

— Сегодня нам везет.

— Особенно, если учесть этот дурацкий номер: дважды очко, — добавил Эдик изменившимся голосом.

Он трусил. Трусил до дрожи в коленях. Смотрел на скуластое лицо Сержа, на его загорелые руки с короткими пальцами, уверенно сжавшие баранку, и лихорадочно считал секунды. А когда «Волга», взревев, вылетела на проспект и смешалась с десятками машин, ослабленно откинулся на сиденье.

Майка ждала в условленном месте. Она испуганно кивнула Сержу и с надеждой взглянула на Эдика: может, раздумал? Но его лицо было серым и бесстрастным.

На сорок втором километре Серж притормозил и съехал на обочину. Совсем рядом проносились машины, где-то громыхла электричка. Лениво верещали кузнечики, и переливались на солнце паутинки, казалось, спускавшиеся прямо с неба.

Присев на корточки, Серж отвинтил номер, забросил его в чашу. Поставил другой.

— Поехали?

— Сначала покурим, — сказал Эдик, доставая пачку сигарет.

Серж лег на траву, с наслаждением затынулся.

— Скажу вам, братцы, переволновался я здорово, — сказал он немного погодя, — от курева даже голова кругом.

Через минуту он, продолжая улыбаться, замер, про-
бормотал что-то и уронил сигарету.

— А ну, помоги, — Эдик обхватил Сержа за туло-
вище, с трудом приподнял.

— Ты отравил его? — Майка старалась поймать пры-
гающими пальцами дверцу машины.

— Молчи, дура! — внезапно заорал Эдик. — Ты ду-
маешь, у меня нервы железные? Мне их еще надо при-
беречь для главного!

...Когда все было кончено, Эдик и Майка спустились
по тропинке к речке, перешли через шаткий мостик и
торопливо зашагали по пыльной проселочной дороге.
Шли молча, изредка оглядываясь.

Смеркалось, когда они вошли в лес. Белые березки
игриво мелькали среди серьезных, суровых сосен, назой-
ливо звенели комары, откуда-то издали доносился
лай деревенских собак.

— Молодой человек! — вдруг негромко окликнули
Эдика.

Майка взвизгнула. Эдик остолбенел, затоптался на
месте, от ужаса подкосились ноги.

— Извините, что испугал девушку, — от дерева от-
делилась приземистая фигура в телогрейке. — Закурить
не найдется?

За голенищем у подошедшего торчало кнутовище.
Это был пастух. Дрожащими руками Эдик извлек из
кармана пачку, протянул ее пастуху.

...Когда вышли на платформу пригородной станции,
Эдик тяжело опустился на скамейку, вытащил сигарету,
поднес ко рту и неожиданно закрыл лицо ладонями.

— Майка, ты знаешь, я, кажется, дал закурить этому
типу из той пачки...

— Ну и что? Там ведь нет твоей фамилии.

— Милиция зафиксирует два случая отравления
опиумом в одном месте, а стало быть, узнает наши при-
меты. Этого мало?

— Чепуха, пастух все позабудет!

— Хорошо бы...

* * *

В кабинете Бурцева появился пыhtящий толстяк
в просторном белом костюме. Уселся напротив следова-
теля и, пожав плечами, сказал:

— Сляпсили.

— Что? — не понял Бурцев.

— Сляпсили, говорю. Помяловского читали? Так это оттуда. «Очерки бурсы». Сочное, знаете, выражение и как нельзя лучше объясняет суть дела. Была машина — нет машины. А номер-то какой! Дважды очко!..

И далее последовал обычный в таких случаях рассказ.

Когда толстяк вышел, Бурцев достал из стола и воткнул в план новый флажок. Потом снял трубку, набрал номер.

— Мотылькова. На происшествии? «ЭХ 21-21»? Почему не сообщили мне? Хорошо, выезжаю. Потерпевший только что был.

...На сорок втором километре Бурцева встретили Мотыльков и судебно-медицинский эксперт.

— Поздно, — сказал Мотыльков.

— Что поздно?

— Труп отправили в морг, машину — в колхозный гараж на время...

— Ну, знаешь...

— Андрей, ты не горячись. Во-первых, я не знал, что ты приедешь. Во-вторых, ты что же, не доверяешь мне?

— Что тут?

— Угон и катастрофа. Не совсем понятная...

— Почему?

— Машина шла нормально до вот этой отметки, видишь? Здесь остановилась...

— Ты имеешь в виду натек автола из картера?

— Да.

— Потом?

— Через двести метров — поворот с крутым спуском вдоль кирпичной стены. Развив на этом отрезке большую скорость, «Волга» врезалась в стену. До ветрового стекла — лепешка!

— Водитель?

— Говорят, еще жил. Вот рапорт инспектора. Он объезжал на мотоцикле свой участок и сюда прибыл буквально вслед за этим. Читай.

«...Еще был жив... — начав с третьей или четвертой строчки, прочел Бурцев. — Я пытался узнать, что случилось, но он не отвечал. Потом открыл глаза, невнятно сказал: «Милиция». Дальше я записал дословно: «Слушай, друг... Скорее. Меня убили... Слушай, темнеет

в глазах... Страшные люди убили... Угоняют машины... Есть план... в кармане... Это — сетка... Запомни: сетка... По ней нужно... конем... Эдик... Его фами...». Это все. Незвестный снова потерял сознание и через пять минут умер».

— Так. Значит, Эдик... Что обнаружено в районе стоянки машины?

Мотыльков протянул Бурцеву завернутый в целлофан окурочек сигареты.

— Что скажет врач?

— Перелом шейных позвонков. И, кроме того... Я, правда, не специалист, покажет экспертиза, но думается, что сигарета наполнена ядовитым веществом.

— Понятно. Сначала привели в бессознательное состояние, а потом... Как ты думаешь, что такое «сетка» и «конь»?

— Загадка.

— Н-да, ребус. Что-нибудь похожее у него обнаружили?

— Нет. Только моток проволоки. Вот, взгляни.

Бурцев долго рассматривал проволоку, потом расправил бесформенный комок и показал Мотылькову и врачу искусно сделанную сетку.

— Если сетка — план, то причем здесь конь? Я в полнейшем недоумении, товарищи, — развел руками врач.

— И я тоже. Пока ребус действительно сложный, — заключил Бурцев.

* * *

Личность трупа установили по отпечаткам пальцев. Погибшим оказался Влахов Сергей Елизарович, двадцати пяти лет. Три года назад он был зарегистрирован в связи с судимостью за хулиганство.

— Поезжай, Саша, — сказал Мотылькову Бурцев. — Поезжай и постарайся выяснить все об этом парне. Помни: убийц надо искать среди знакомых Влахова.

...Соседи почти ничего не знали. Сережа был замкнут, неразговорчив. Домой приходил по-разному, иногда под утро. Любил запирается на ключ. Посетители? Нет. Влахов почти год прожил в квартире, и у него ни

разу никто не был. Работа? Говорил, что работает на каком-то заводе.

В комнате, перебирая с помощью понятых вещи Влахова, Мотыльков пытался представить себе, кто же тут жил, кто?

Вот небольшая этажерка с книгами. Их немного, большинство из серии «Военных приключений», но есть и другие — «Психология», «Свойства характера» и даже «Так говорил Заратустра».

Вещи аккуратно сложены в небольшой чемодан. Самое необходимое и недорогое.

Нет, не видно пока человека. Что же еще может помочь? Письма? Их нет. Друзья? Они неизвестны. Знакомые? Их тоже никто не знал...

Мотыльков понимал: Влахов — преступник, он участник шайки, и его предсмертные слова о кражах машин относятся и к нему самому. Но как найти остальных?

Размышления Мотылькова были прерваны самым неожиданным образом. Зашевелилась дверная ручка, потом послышался металлический лязг: кто-то пытался выдернуть из гнезда запавший ригель, наконец, обе створки распахнулись, и в белом обрамлении косяков, как в раме, показалась чья-то рыжая шевелюра.

— Здравствуйте, — улыбнулся Мотыльков, — вы к Сергею?

— Да... То есть нет! Я случайно...

— Отчего же, заходите, располагайтесь. Ведь вы здесь бывали, не так ли?

— По-почему? — рыжий был явно взволнован.

— Потому что с дверью обращаетесь умело и уверенно. Только вот соседи вас никогда не видели. Странно.

— Я и не старался показываться им на глаза... Слушайте, собственно, кто вы такой, чтобы учинять допрос?

Мотыльков молча протянул удостоверение.

— Теперь скажите, кто вы?

Парень оглядел стены, пол, кровать и, словно что-то надумав, почесал в затылке и пробурчал:

— Ясно — Сережкин знакомый. А кто такой Сережка, вам известно, иначе зачем бы вы здесь оказались. Вот придет Сергей, тогда поговорим.

Что он? Прикидывается или в самом деле не знает, что Влахов мертв? Проверим.

— Влахов больше не придет.

— Почему?

— Не притворяйтесь.

— А я и не... А-а, ясно!

— Что же вам ясно?

— Влахов арестован.

Экая бестия! Пожалуй, и в самом деле не знает. А ну-ка...

— Влахов умер.

— Умер?! Н-да... Что ж... Все мы в этом мире тленны... Вы меня не отпустите?

— Нет.

— Правильно. Но я хочу сделать одно заявление.

— Какое?

— В этом чемодане то, что должно интересовать следователя, — деньги Сержа... Сергея, я хотел сказать. Много денег... Под прокладкой из бумаги. На крышке. Убедитесь.

Едва Мотыльков нагнулся к чемодану, как рыжий, с силой оттолкнув понятого — худощавого дворника, прыгнул к выключателю и ударил по нему рукой.

В темноте Мотыльков кинулся за ним, натываясь на стулья. Схватил чью-то слабую, податливую руку, понял — это понятой, и едва не заплакал от отчаяния.

Когда, основательно повозившись с хитрым замком, на который захлопнулась дверь, Мотыльков выбежал на лестницу, а потом на улицу, он понял: рыжий сбежал.

* * *

Выслушав доклад Мотылькова, Бурцев сказал:

— Не вешай носа! Ты пойми, что дневник Влахова, оказавшийся у него в чемодане, для следствия важнее, чем задержание любого члена шайки.

Мотыльков понимал это. И все же сознание допущенного промаха бесило, заставляло заливать краской стыда. Сотруднику уголовного розыска непростительна любая, даже мелкая, бплшность.

— Понимаю, Андрей, все понимаю. Но будь ты сейчас на моем месте, сомневаюсь, чтобы у тебя был такой

бодрый вид и тон. А тетрадь, верно, стоящая, — улыбнулся Мотыльков.

Данные, действительно, были «стоящие». Перелистывая помятые, кое-где надорванные страницы дневника Влахова, Бурцев все больше и больше убеждался в этом.

«...Отведал один раз тюремной похлебки, и, наверное, хлебать мне ее до скончания века. Сколько тюрьму не отмывай, след будет. На хорошую работу не берут, не верят. Как жить? Для чего? И кому я нужен? Профсоюзу для отчета о воспитании?»

...Снова липнет «этот». Что тебе, говорит, дрянная работа за полушку? Ты же водитель-экстра! Раз ты сидел, тебе все равно больше верить не будут. Плюнь им в морду, Сережка!

...Опять видел «этого» в клубе. Все равно один конец. Скажу, что согласен».

Дальше около десятка страниц было вырвано, а потом следовало:

«...Проговорился «этому» о дневнике. Он предупредил: одно лишнее слово и... Боюсь я эту сволочь, факт. Иначе, зачем бы порвал полтетради. Но еще посмотрим, может, придет такой день, когда я все запишу снова, чтоб никогда не забыть.

...«Этот» хочет действовать по плану. Сделал ему сетку. Теперь пойдет: вправо — вверх, вправо — вверх, а потом — разом вниз и тюрьма! Но я ему не товарищ! Хватит. Гады... У меня хоть цель была, я мстил, а они? Месть... Сколько горя принес людям... Кажется, я решусь...».

— Это — последняя запись. За три дня до катастрофы. Ясно, на что он решился и почему его убрали. Что скажешь, Мотыльков?

— Обозленный фрукт. Мне его, честно говоря, не жалко, Андрей.

— А мне жалко. Попади он в хорошие руки — все было бы по-другому.

— Ты что же, считаешь завод «плохими руками»?

— А вот ты и проверь это. И тогда поговорим, продолжим спор. Эта проверка попутная, конечно, а главное — «этот», Думаю, что он и известный нам со слов умирающего Эдик — одно и то же лицо. Надеюсь, в клубе завода ты кое-что узнаешь. А теперь давай карту,

Мотыльков снял со стены и расстелил на столе план города.

— Готово. И я, кажется, чувствую, о чем ты сейчас будешь говорить. Слушаю.

— Я рассуждаю так, — начал Бурцев, — умирающий говорит о плане-сетке за несколько секунд до смерти и здесь, в дневнике. Возможно, что план угонов — это карта города с намеченными объектами. Как их намечают? С помощью специального приспособления, сетки. Сетка же — это не что иное, как...

— Шахматная доска, шестьдесят четыре квадрата! И ключ — конь!

— Да... Ты заметил одно, несколько странное на первый взгляд обстоятельство? Посмотри, расстояния на карте между точками — местами угонов примерно одинаковы. А это значит, что они нанесены одним и тем же способом: ходом коня. И еще. Вторая и третья точки правее предыдущих и выше их. Где же будет следующая? Логика подсказывает: дальше вправо — вверх. Помнишь ту галиматью в дневнике? «Вправо — вверх, вправо — вверх, а потом — разом вниз и тюрьма». Оказывается, тут есть смысл.

Бурцев подошел к шкафу, достал сетку и накрыл ею план города.

Когда воображаемый конь, сделав ход буквой «г», с клетки первого нераскрытого угона попал точно во вторую, потом — в третью, стало ясно: в принципе план хищения автомашин раскрыт, и, значит, в районе Большой Семеновской улицы, куда вел следующий ход коня, через несколько дней можно ожидать новую кражу.

* * *

— Шайку надо брать с поличным, на месте преступления. Но участок, на котором ожидается угон, слишком велик, и мы должны тщательно подготовиться к операции.

Закончив доклад, Бурцев сложил бумаги в папку и приготовился слушать.

Начальник отдела, седой полковник в темно-синем кителе, на котором блестящим рубиновым пятнышком сверкал знак «Почетного чекиста», поднялся из-за

стола и, задумчиво постукивая тонкими длинными пальцами по стенке кресла, спросил:

— Как по-вашему, почему задерживается очередной угон?

— Полагаю, что гибель Влахова, отличного водителя, «экстра», как они его называли, оставила шайку без шофера-угонщика. Поэтому временно кражи приостановлены. Раздобудут нового, и все начнется сначала.

— И с неиспользованной клетки плана?

— Думаю, что да.

— Так... Доводы ваши, в общем, логичны. Будем искать шайку. Вы подумали как?

— Первое и основное — усиленное патрулирование квадрата Большой Семеновской. Если дней пятнадцать будет тихо, тогда обсудим, как быть дальше.

— Пятнадцать? А не слишком ли много, товарищ Бурцев? Хватит и недели.

— Извините, товарищ полковник, считаю мало. Десять дней — минимум.

— Ладно. Разрешаю десять дней. Что-то еще хотите сказать?

— Да. Мне бы хотелось использовать один способ, но...

— Что вас смущает?

— Дело в том, что он раньше не применялся. Товарищ полковник, я убежден: если мы обратимся к людям смело, во весь голос, это неизбежно даст результаты. Народ откликнется на наш призыв...

— Вы предлагаете объявление в печати? — полковник на секунду задумался. — Хорошо. Правильный и своевременный прием. Докладывайте начальнику управления!

...На следующее утро в городских газетах вместо раздела происшествий крупным шрифтом было напечатано следующее:

«28 мая 195... года на сорок втором километре Бирюлевского шоссе в разбитой автомашине «Волга» обнаружен труп водителя. Имеется предположение, что водитель убит неизвестными, которые, прежде чем уничтожить свою жертву, привели ее в бессознательное состояние с помощью опиума, заложенного в сигарету.

Преступники не должны уйти от заслуженной кары! Помочь их обнаружению может каждый гражданин, ко-

тому известна любая мелочь, касающаяся вышеописанного случая. Поэтому тот, кто располагает фактами или имеет определенные подозрения, пусть придет в Управление внутренних дел и расскажет о них».

* * *

Эдик медленно поднялся со стула и, глядя куда-то в пространство, произнес:

— Ждать не будем. Все в сборе, кроме Майки и... Сержа. Имею точные сведения: Серж похоронен вчера в три часа дня.

По комнате пробежал гул голосов, задвигались, заскрипели стулья. Все встали, стараясь не смотреть друг на друга.

— Прошу садиться. Ритуал, так сказать, соблюден. Мы не были на похоронах, жаль... Но мы не могли и не должны были там быть. Поэтому надгробный спич будет сказан здесь.

Он поднял руку и с пафосом начал:

— Четыре дня назад он был здесь, среди нас. На этом вот стуле. И так же, как вы сейчас, смотрел на меня. Мой лучший друг... Он был душой «голубых моторов». Умер он — и умерли мы.

— Ты, Эдик, говори да не заговаривайся, — процедил рыжий парень с глазами, как у совы. — «Моторы» живут, они в подавляющем большинстве.

Эдик покачал головой:

— Кто заменит Сержа? Может быть, ты, Лева?

Рыжий развел руками:

— Я плохо вожу машину.

— Тогда ты, Слава?

Худенький подросток с маленькой головой, на которой покоилась огромная копна черных волос, красноречиво показал на свои бицепсы.

— Может быть, Алик? Говорят, он гнет подкову и машину водит как шофер первого класса.

Флегматичного вида здоровяк с редкими волосами сложил трубочкой губы, повел плечами.

— Нет, мое призвание — коммерция. Вы добываете, я загоняю.

— Понятно. Кто сказал, что я заговариваюсь? Молчите?

— В конце концов, не обязательно быть таким виртуозом, как Серж, — возразил Лева. — Другие делают это в принципе так же, ну чуть-чуть похуже. Возьмите хотя бы Рикса...

— Рикс трус. Он не сможет.

Наступило молчание. Эдик сел, отвернулся.

— Да, действительно дело дрянь, — протянул Слава.

— Может, выпить? — предложил Лева.

— Все кончено, — прошептал Алик. — Джамал разыщет себе новых клиентов...

Эдик в сердцах ударил кулаком по столу. Звякнула посуда в серванте, и тут же раздался звонок в передней. В комнату вбежала высокая светловолосая девушка.

— Майка!

— Салям! Какую я новость принесла! — Майка раскрыла сумочку и выхватила оттуда газету. — Здесь будущее «голубых моторов»! Слушайте: «Городские автомобильные ралли... Своеобразной сенсацией явилось выступление члена команды «Спутник» мастера спорта Игоря Гарцева. В тот момент, когда он обгонял на повороте шедшего впереди гонщика команды «Электрик», на шоссе навстречу спортсменам неожиданно выехал грузовик. Катастрофа была неминуема, однако Гарцев в какие-то доли секунды принял единственно правильное, казалось бы невероятное по исполнению решение: он направил свою машину на крутой склон холма, мимо которого проходит шоссе. Гарцев благополучно выехал на дорогу». Ну, каково?

— Железный чувак! — с чувством произнес Лева.

— Опять за свое! — нахмурился Эдик. — Когда, наконец, ты выбросишь из головы этот дурацкий жаргон! И вообще, на кого ты похож?

Эдик подошел к Лева и с презрением осмотрел красный платочек, которым тот перетянул шею. Спросил насмешливо:

— Ну, Лева, как «Три товарища»?

— Старый фильм. Так себе.

— Ты подонок, Лева. Я имел в виду Ремарка. Не знаю, как я тебя терплю. Пора давно зарубить себе на носу: мы — интеллигентная компания и работаем на

интеллектуальной основе. Мы не должны выделяться из числа тех, среди которых работаем, если не хотим провала, подобно всем известному Риксу, погоревшему из-за жаргона. А ты, Лева — вылитый Рикс, — Эдик презрительно усмехнулся. — Когда я вижу тебя, Лева, трясущимся в рокке, я представляю тебя другим: с лицом гориллы, которая чешет на ходу свои пятки. Мечтать надо уметь, Лева. Мечта — это не рокк и коктейль. А чтоб научиться мечтать, надо знать хотя бы то, что популярно излагается в толковом словаре.

Лева потуже затянул узелок на платке и спросил, покусывая губы:

— А у тебя, Эдд, есть мечта?

— Я считал бы себя кретином, если б не имел ее, — сказал Эдик. — Каждый человек должен знать, к чему он стремится, а цельность натуры — это главное!

— Какая же у тебя мечта, Эдд? — спросила Майка.

— Миллион. — Эдик свирепо обвел всех глазами. — И я накоплю его быстрее, чем любой из вас, хотя мы и на равных правах. Человеку, который может быть собеседником и стекольщика, и профессора ботаники, это сделать куда легче!

— Не вижу в этом ничего особенного, — обиженно пробормотал Лева. — Уж наверное Ротшильд не связал бы с профессором ботаники и двух слов. А это не помешало ему стать миллионером.

— Эдд, сознайся, что ты немного перегнул, — сказала Майка. — Какая связь между тем, чем мы занимаемся, и этой высокой эрудицией?

Эдик снисходительно покачал головой.

— М-да... А припомните-ка, дорогие коллеги, как мы решили угнать машину академика Сомова.

— Помним, было дело. А что?

— Прежде чем подойти к этому старикашке, я как проклятый сидел в библиотеке, я прочитал все его идиотские монографии о древнем Египте и только тогда подошел к нему. Копаясь в радиаторе, я упомянул про мумию царя Секеннира и сказал, что у меня не вызывает никаких сомнений тот факт, что отверстие в голове царя возникло в результате воздействия боевого оружия гик-соса. И старик растаял. Весь вечер мы ездили по Мос-

кве и говорили о царствовании царя Апопи. Естественно, академик был в восторге и пригласил меня к себе. Оставалось самое пустяковое: выкрасть из пальто ключ зажигания, и тут я, как на грех, заболел. Что было дальше, ты помнишь, Лева? Я имел глупость послать тебя, Лева, как «своего студента». И что же случилось? Старикан вытурил себя в шею. Так?

— Ну, не совсем... А в принципе-то верно, выгнал.

— А если б ты имел хотя бы общее представление об истории, машина была бы наша.

— Бензина не было! Случайности!

— Да, случайность. Но если бы мы делали все основательно, не было бы никаких случайностей, понял, дитя? Обработали бы академика, получили постоянный доступ к машине и накануне угона бак бы обязательно проверили.

— Ладно, — сказал Лева, — ты прав. Но не все твои выдумки убедительны. Вот сетка, например. На кой черт она нам нужна, а? В этом здоровенном городе можно красть машины на каждой улице, у каждого дома. Пошлая романтика эта сетка, Эдд!

— Романтика, говоришь? Лишний раз убеждаюсь, что ты заурядный болван. Сетка — это план, он даст нам возможность регулярно добывать золотые кружочки.

— Но план — это лишний козырь для милиции.

— Нет. Слушайте дальше. С помощью сетки мы разделили город на шестьдесят четыре квадрата, превратив его в своеобразную шахматную доску. И играем конем. Сделали ход конем — совершаем угон. С того места, где он стоит. И снова ход конем. В совершенно неожиданное для милиции место. У нас — строгая система, а у них — полнейший хаос. Попробуй угадай, где будет совершен следующий угон, куда посылать наряды, где усиливать посты? Основное — сетка, которая существует отдельно от плана города и надежно конспирирует нашу выдумку. Сетка без карты — это чепуха. Карта без сетки — тоже ни о чем не говорит.

— Знаешь, Эдд, — осторожно произнесла Майка, — сегодня надо поговорить о другом. Игорь Гарцев — это наш вопрос номер один!

Экзамены близились к концу. В зачетной книжке пока лишь пятерки. Но последний экзамен — немецкий язык!

Игорь лежит на горячем прибрежном песке. Он с сумрачным видом перелистывает страницу и с завистью смотрит на проносящийся мимо катер.

— Это еще что — немецкий! — сочувственно вздохнул кто-то рядом с ним. — Поучили бы вы испанский...

Игорь оглянулся и увидел девушку лет двадцати трех. Перед ней тоже лежал потрепанный учебник с розовым камешком на странице.

— Товарищи по несчастью? — улыбнулся Игорь.

— Тоже мне несчастье! — скептически буркнула девушка. — Немецкий! Самый легкий язык!

— Послушайте, — возмутился Игорь, — я что-то не знаю студента, который бы так говорил!

— А теперь знаете! — девушка, закрыв глаза, монотонно забубнила. До Игоря донеслись раскаты буквы «р».

— Кабальеро — совсем по-русски, — улыбнулся он, — а попробуйте-ка произнести правильно немецкое «р».

— Пожалуйста.

Девушка произнесла какую-то длинную фразу со сплошными характерно немецкими «р».

— Эх, если бы вы могли вместо меня сдать этот экзамен!

— А вы — вместо меня, идет?

Оба рассмеялись. Девушка встала на колени и вынула из чемоданчика резиновую шапочку.

— Какая ирония судьбы — свести на самом веселом месте двух мучеников, — проговорила она. — Где учиться?

— В горном. А вы?

— В инязе. Испанский — мой второй язык. Основной — немецкий.

— Тогда все понятно.

— Идемте принимать холодную ванну. Меня Майей зовут. А вас как?

В воде Игорю пришлось покраснеть. Плавал он каким-то домашним полубрассом, передвигался медленно.

А Майка, деловито опустив лицо в воду, помчалась таким стремительным кролем, что вмиг оказалась на середине реки.

Вышли на берег, растянулись на песке, зябко подрагивая. Майка, мечтательно глядя на облака, тихонько запела какую-то песенку. Игорь залюбовался ею. Она была словно вылеплена из светло-коричневого пластилина, казалась и сильной, и по-женски хрупкой. В каждой капле воды, застывшей на ее лице, светилось по маленькому солнцу. Но вот Майка повела головой, и солнца исчезли, осталось только небо, в глазах...

Внезапно хлынул дождь — крупные теплые капли. В легкой дымке расплавился берег с белыми зонтами, почернела река. Засуетились, забегали по пляжу бронзовые фигурки людей.

— Поплыли! — предложила Майка.

Но едва они шагнули к воде, как в небе полыхнуло сине-желтым огнем, и тотчас же сверху обрушился тяжелейший грохот. Игорь схватил Майку за руку и потянул под навес заброшенной фанерной будочки. Девушка прижалась к стене, доверчиво облокотившись на плечо Игоря.

— Ой, а наши книги наверняка размокли! И конспект... Хоть бы Левка увидел!

— Вы не одна здесь?

— Да, я с братом. Левка учится в инженерно-физическом... Смотрите, он берет наши вещи! Молодец!

Дождик усилился. Налетел прохладный ветерок, зашвистел в щелях, бросил обрывки бумаг. Теперь Майкины глаза были совсем рядом.

— Я боюсь, — неожиданно сказала Майка, — боюсь, что завалю экзамен.

— Мало времени на подготовку?

Рядом раздался пронзительный скрип тормозов.

— Ой, Левка! — изумленно-радостно сказала Майка. — Вот молодец!

Из такси, что остановилось поблизости, выглянул парень лет двадцати двух и пристально посмотрел на Игоря. Он не был похож на Майку — гладкие рыжие волосы с пробором, широкие лохматые брови и землистое узкое лицо с большим утиным носом.

— Вот ваши ковбойка и брюки. Учебник в машине. На чай не берем.

— Спасибо, — удивленно протянул Игорь. — Как вы догадались, что это мои вещи?

— Просто. Все удрали, прихватив свое барахлишко, а ваше осталось.

Когда уселись в такси, Левка спросил:

— Вам в каком направлении?

— До Пушкинской.

— Хелло, Майка, — зевнул Левка, — давайте-ка все махнем к одному моему корешу. Классные записи.

— А экзамены? — возразил Игорь.

— Мы же студенты! — засмеялась Майка. — А какие уважающие себя студенты идут на экзамен, подготовившись на пять?

— Вчера всю ночь слушали! — захлебнулся Левка. — Записи — шедевр! Так едем?

— Ладно, — решил Игорь, — поехали!

* * *

Магнитофон угрожающе загудел и внезапно выстрелил из динамика потоком медных звуков. Однообразные, они чередовались с упрямой настойчивостью, то замирая, то вспыхивая. Вот звуки сошли на нет, и секунду магнитофон удивленно молчал. Потом, словно опомнившись, резко взвизгнул и начал имитировать какую-то очень разболтанную машину.

Все стали деловито похлопывать ладонями в такт музыке. На середину комнаты вразвалку вышел Левка. Его длинные ноги в узких брюках, закончив неуверенные блуждания, вдруг затряслись мелкой дрожью. Высунув язык и откинув голову, Левка знаками подзывал Майку. Игорь закусил губу: неужели пойдет?

Левка неистовствовал. Кидался из угла в угол, беспорядочно размахивал руками, поводил плечами, подпрыгивал на одном месте.

— Левка меня приглашает, — кокетливо улыбнулась Майка, — хочешь посмотреть на меня в рокке? Говорят — здорово!

— Нет-нет! — вырвалось у Игоря.

Боясь показаться смешным, он поспешно оглянулся по сторонам и встретился взглядом с высоким светло-

волосым парнем, который стал внимательно рассматривать что-то поверх головы Игоря, и тот так и не понял, слышал он или нет.

Потом Рикс, самодовольный юнец с галстуком-бабочкой, предложил осмотреть свою коллекцию.

Коллекция оказалась уникальной. Вдоль стены комнаты тянулись самодельные стенды. Под стеклом лежали тарелки, салфетки, ножи, бокалы, ложки всех размеров и даже поднос. У каждого предмета была маленькая этикетка. Наклонившись к большому граненому бокалу, Игорь прочел: «Арагви. Ночь на 21 мая 1958 г. Столик у входа. Официантка Марго. Присутствовали: я, Флор, Жу-Жу и Багира».

— Не так-то просто было спереть этот бокал! — захлебываясь, объяснял Рикс. — Сначала Жу-Жу сунул его за пазуху, потом переложил в карман брюк. Передал Багире, та спрятала его в сумку. С подносом было еще трудней!..

«Экспонатов» оказалось около пятидесяти.

— Ну, как? — прошептал кто-то у Игоря за спиной. — Думается, что эти предметы послужат чудесными вещественными доказательствами по делу того, кто их собирал.

Глаза с насмешливым прищуром, высокий лоб, просторная блуза из синего вельвета... Незнакомец протянул руку.

— Меня не представили. Эдик. Я впервые в этом доме. Забрел случайно, — он пристально посмотрел на Игоря. — Как и вы, да?

— Я тоже здесь первый раз, — ответил Игорь.

— Понимаете, ищу типаж юродивого. Я ведь художник. Сейчас работаю над серией картин из быта старой Москвы.

— Ну, и нашли?

— Да, — улыбнулся Эдик, — это Рикс. Только вы, пожалуйста, не говорите ему — обидится...

— Бросьте трепаться! — перебил Эдика подошедший сзади Левка. — Идемте, покажу вам один рисунок.

«Рисунок» оказался хорошо выполненной копией примерно в одну шестую оригинала с Суриковской «Боярыни Морозовой».

— Здорово!

Игорь удивленно посмотрел на Левку.

— Нравится Суриков?

— Кто, Суриков? С чего ты взял? Я о нищей старухе толкую. Вон, около идиотика, видишь? Как взгляну, сразу вспоминаю статью в «Литературке». Отдал богу душу один нищий, а у него после смерти сто тридцать тысяч нашли, во! А ты — Суриков!

Игорь в отчаянии оглянулся и среди равнодушных, пошло улыбающихся лиц различил мягкий, сочувственный взгляд. «Снова Эдик. Единственный человек среди разнузданных свиней. Хороший парень», — подумал он.

* * *

— Где же твои уверенность и самодовольство, Эдд? — насмешливо спросила Майка. — Орешек не тот? Да, Игорь, видно, идеальный малый!

— Чепуха, на свете нет идеальных людей. У каждого имеется червоточинка.

— Значит, не у каждого, — возразила Майка. — Я знала таких.

— Если человек представляется нам идеальным, значит, еще никто не захотел отыскать в нем червоточину. А твои знакомые... Я знаю, о ком ты говоришь. Так они же отвернулись от тебя, хлипкие интеллигентшики, когда стали догадываться, чем ты занимаешься.

— А что же они должны были делать? Идти в милицию? Нет, они остались великодушными, гуманными.

— Ха! Если бы они были не кретины, то давным-давно вырвали бы тебя из нашей компании!

Майка обиженно пожала плечами, бросила сквозь зубы:

— Игорь — идеальный парень. Тебе не удастся...

— Моя теория не знает поражений! Изволь, докажу. Вчера я его прошупал. Риксов стиль он не принял. Рокк, экспонаты — это не для него. В живописи — дилетант. Начитанность? Средняя. К стихам равнодушен. В детстве, как и каждый, собирал марки, старинные деньги. Томадой быть не может — застенчив. Анекдотов не запоминает. Я перебрал добрых два десятка тем, а он все вежливо улыбался. Но главное я приберег к концу. Собираясь домой, я как бы мимоходом сказал, что мой

знакомый продает машину, совсем дешево, а покупателей нет. И машина почти новая... Ты бы видела, как загорелись его глаза!

— Он что-нибудь сказал?

— У него все было написано на лице. По крайней мере, я отчетливо разобрал одно: хочу машину, очень хочу!

— Ты намерен купить ему машину?

— М-да... Ты, Майка, бываешь иногда просто недалекой, — недовольно пробормотал Эдик, — что я, благодетель? Я просто нашел червоточинку. Он мастер спорта, автолюбитель. Тут простая логика: копьеметатель имеет свое копьё, у теннисиста всегда найдется своя ракетка, а у боксера — свои перчатки. Ты понимаешь меня?

— Не совсем.

— В детстве у меня был товарищ. Его отдали с пяти лет в музыкальную школу. К двенадцати он бегло играл на фортепьяно. А инструмента не было — дорого стоил. Знала бы ты, как он его желал! Я — а у нас было пианино — раскусил его и говорил: Витька, сбегай за мороженым — дам поиграть. Он бежал за мороженым. Потом этот балбес делал за меня уроки, убирал комнату. И только за то, чтобы ударить несколько раз по клавишам. Ты поняла меня?

* * *

В этот вечер дежурным по управлению был Мотыльков. И хотя Бурцев очень торопился домой (как-никак день рождения сына, пять лет исполняется мальчишке!), он все же решил забежать к другу на несколько минут.

Мотыльков сидел за широким, длинным столом, сплошь уставленным телефонами. Они то и дело звонили, и Мотыльков четким движением подносил трубку к уху. Иногда он ошибался и торопливо начинал искать: кто же из этой многочисленной телефонной братии только что звонил?

«Напряженный сегодня вечер, — подумал Бурцев, — жаль, даже двух слов не удалось сказать. Придется идти...»

Но Мотыльков, увидев приятеля, жестом показал, чтобы тот не уходил, достал из стола и протянул ему

небольшую картонную коробку с изображением гоночного автомобиля.

— Сыну. Передай, что дядя Саша любит его и в следующее воскресенье... Алло! Дежурный слушает... Что-что?.. Так... Сейчас приедут наши сотрудники. Ждите.

— Что такое?

— Угон. Звонил какой-то Скубов. Десять минут назад угнали его автомобиль. Выбежал, а на повороте улицы только красные стоп-сигналы сверкнули...

— Еду. Адрес?

— Большая Семеновская, 15... Подожди, а Витька? Его день рождения? Есть же дежурный следователь!..

Бурцев красноречиво посмотрел на Мотылькова:

— Дело об угонах поручено мне, и я обязан его раскрыть. А у Витьки будет еще не один день рождения. Мальчишка толковый, поймет своего батьку. Ты, будь друг, позвони мне домой...

Сбегая по лестнице, Бурцев с горечью думал: «А ведь десять дней патрулировали район и бросили... Нечего, мол, бездельничать, другие дела есть...».

И, отчаянно хлопнув дверцей оперативной машины, крикнул водителю:

— Большая Семеновская! Гони!

* * *

Встретились, как и было условлено, ровно в девять вечера около Майкиного дома.

Игорь увидел на Майке новое красивое платье и вдруг подумал: это для него. Неужели он нравится ей? «Нет-нет, — твердил внутренний голос, — опомнись! Она любит красивые вещи, любит одеваться, а ты тут ни при чем и не строй глупых воздушных замков».

— Игорек, ты только посмотри, какой вечер сегодня! А ты молчишь и ничего не замечаешь вокруг. А ну-ка веселей, слышишь! Иначе я подумаю, что со мной скучно, и обижусь. Ну, выбрось свои скучные мысли. Считаю до трех...

Игорь слушал Майку и, не смея взглянуть на нее, думал: «Что, скептик, ты все еще сомневаешься?»

— Раз...

— Да-да, Майка, да! Я выброшу скучные мысли, я уже выбросил их! У тебя такая улыбка, глаза... Если бы ты знала, как я счастлив, что встретил такую... такую, как ты, Майка! Мы ведь будем друзьями, настоящими большими друзьями, правда?

Легкое облачко пробежало по лицу девушки. Такое легкое, что Игорь ничего не заметил.

— Ну, мы, кажется, заговорились и забыли о главном, — Майка постучала кулачком по капоту голубой «Волги».

— Хороша?

— Очень! Давно не ездили?

Майка замялась. Но через секунду равнодушно ответила:

— Да, с месяц или больше.

— Тогда проверим мотор. Открой капот.

На лице Майки отразилась растерянность. Она оглянулась. Из подъезда вышел Левка.

— А-а, какой сюрприз! Так это вы — «знакомый водитель»? Рад повторной встрече!.. Майка, мама велела тебе теплее одеться, так что — марш!

Игорю не понравился Майкин брат еще там, на пляже, а после посещения Рикса и Левкиной выходки у картины Игорь почти ненавидел его. «Развязный болван, — со злостью думал он. — И надо же, чтобы такая пакость была ее братом! Придется набраться терпения».

— Движок-то не барахлит?

— Про это, кроме хозяина, никто не знает, — ухмыльнулся Левка.

Они помолчали. Говорить им было не о чем, и каждый это понимал. Выручила Майка. Выбежала из подъезда, крикнула:

— Мальчики, я готова!

Теперь поверх платья на ней была пушистая шерстяная кофточка. Левка быстро распахнул дверцу автомобиля.

— Мир с вами, дети мои. Да будет благополучным ваш путь, — сказал он и, помахав рукой, исчез за воротами.

Скрупулезно, метр за метром, с помощью сильного фонаря осмотрены двор дома, в котором жил доцент Скубов, владелец угнанной машины, место ее стоянки, прилегающий к дому участок улицы. Ничего...

Но Бурцев не отчаивался. Опыт подсказывал ему: нет преступления без следов, есть следователи, не умеющие их отыскивать. Все дело в умении и терпении. Нужно искать.

...На длинные звонки долго никто не выходил, наконец, дверь открылась и из нее высунулась женская голова с взлохмаченными волосами и припухшими накрашенными губами.

— Чего?

— Простите, здесь проживает гражданин Скубов?

— Вы читать умеете? Что написано на наших дверях?

Только теперь, приглядевшись, Бурцев рассмотрел едва заметную в сумраке лестничной клетки табличку: «Вход к портному Эпшицу».

— Я прошу извинить меня, здесь темно и поэтому...

— Надеюсь, теперь вы усвоили, что Эпшиц — не Скубов. У нас, слава богу, есть вывеска и нет лимузина, а у Скубова с этого дня нет ни лимузина, ни вывески.

— Что это значит?

— Ну, положим, до Эпшица Скубову далеко, поэтому вывески у него и не может быть, что же касается лимузина, он пропал! Я не уважаю сующихся в чужие дела и сама в них никогда не суюсь ни в какой форме, заметьте, но, раз вы оттуда, — женщина закатила глаза и прищелкнула языком, — вам скажу: примерно час назад иду от соседки из дома напротив, а около скубовской машины торчит девчонка, горе каких-то родителей, с двумя парнями. Мне какое дело, я иду себе мимо. Но как я услышала, что они говорят о поездке, я поняла: тут что-то нечисто!

— Почему вы так решили?

— Очень просто! Девчонка села с миловидным бандитом в машину доцента и была такова! Скубов, заметьте, никому и никогда не доверяет автомобиль, это уж точно. А тут выбежал он сам и стал просить, чтобы их задержали.

— Кого задержали?

— Боже мой, бандитку с бандитом, разумеется! Я послушала и пошла, не могу же я до утра слушать, как он надрывает свои гланды?

— Что же было дальше?

— Он понял, что кричи, не кричи, а толку не будет. Я по собственному опыту знаю: когда кричат «Держите!», у всех обнаруживается повышенный интерес к верхним этажам, витринам и шнуркам на ботинках. Крика не слышит никто!

— В данном случае его слышали вы. Подождите, не перебивайте. Вы не только слышали. Вы видели, как совершается преступление, и не пошевелили пальцем, чтобы...

— Вот как! Значит, по городу разгуливают рецидивисты, а ловить их буду я? Пардон, товарищ! А если в машине уехали родственники Скубова? Разбираться, где кончаются родственники и начинаются бандиты, не наше, а ваше дело!

...В квартире Скубова навстречу Бурцеву вышел высокий старик. Внимательно посмотрел на следователя и, жестом приглашая войти, сказал:

— Вы по делу о краже автомобиля?

— А вы потерпевший Скубов?

— Я — Эпшиц. Портной Эпшиц.

Бурцев нервно вздрогнул. Опять! Если этот такой же...

— Я, видите ли, узнал от жены о краже и как сосед пришел посочувствовать Владимиру Афанасьевичу, разделить горе, посоветовать. Не буду мешать, — он церемонно поклонился и вышел.

Нет, вас не так уж много, равнодушные!

Скубов, моложавый, среднего роста мужчина с коротко стриженными волосами и пухлыми румяными щеками, встречая Бурцева, горестно вздохнул:

— Отходную читать пришли? Валяйте, батенька мой, валяйте... Разве ваше синее сердце, оправленное в красный кант, в состоянии понять, что мечта... Всей жизни мечта лопнула, как мыльный пузырь! Поп на похоронах, милиция на месте происшествия... Все, как говорили древние, пост фактум и все бесполезно...

— Вы знаете, Скубов, мне кажется, что мадам Эпшиц ошибается.

— При чем тут эта доисторическая женщина?

— Она утверждает, что между ней и вами громадная разница. Но слушая вас и даже учитывая то, что вы расстроены, я этой разницы не ощущаю.

— Гм... А вы колючий.

— Я только защищаю своих товарищей, которых вы незаслуженно оскорбляете! Разве можно по одной, даже плохой, странице судить обо всей книге?

— Логично. Здраво. Но, к сожалению, здравый смысл не в состоянии вернуть мне мой автомобиль.

— Уверен, что в случившемся наверняка во многом виноваты вы сами. Угон — прямое следствие беспечности владельца машины.

Скубов, о чем-то думая, взволнованно засеменил по комнате, путаясь в полах длинного мохнатого халата. Бурцев невозмутимо следил за ним.

— Понимаете, все моя неразборчивость...

— Вы подозреваете кого-нибудь из ваших знакомых?

— Неделью назад вечером я ехал с пляжа из Песчаного бора. По дороге отказало зажигание. Стою, копаюсь в моторе. Вдруг рядом останавливается «Волга», и подходит молодой человек, такой видный, интересный. Он помог мне исправить повреждение, мы немного поговорили, и он уехал...

— Ключ зажигания побывал у него в руках?

— Да.

— Приметы автомобиля и водителя?

— Ну, как же, как же. Все было очень броско... Значит, так: роста высокого... Что же еще?..

— Черты его лица, одежда, цвет машины.

Скубов растерянно посмотрел на Бурцева и смущенно сказал:

— Представьте, не запомнил! Как песок сквозь пальцы, ничего в памяти не удержалось. Хотя, вот что: он студент.

— Адрес вы ему свой дали?

— Да... Но откуда?..

— Простите. Почему вы решили, что он студент?

— У меня на сиденье лежала книжка по теории литературы. Он увидел эту книжку и мимоходом сделал какое-то замечание по поводу содержания. Сугубо вер-

ное! Я спросил, откуда он это знает, тогда он отрекомендовался студентом четвертого курса филологического факультета.

* * *

Когда выехали на широкую магистраль Октябрьского проспекта, Майка заглянула Игорю в глаза, улыбнулась:

— Ты здорово водишь машину, а я очень люблю быструю езду. Поедем куда-нибудь подальше?

— Ты еще спрашиваешь! Конечно! Я с самого начала хотел тебе это предложить.

...На тридцатом километре Загородного шоссе Майка попросила Игоря свернуть на проселочную дорогу.

— Здесь недалеко на даче живут мои знакомые. Мне надо их повидать. Заедем?

— Поехали. А дорогу хорошо знаешь?

— Знаю.

Минут десять машина шла по размытой, ухабистой дороге, потом свернула в лес.

— Останови-ка.

Удивленный Игорь нажал педаль тормоза.

— В чем дело?

Майка вздохнула, повернулась к нему.

— Слушай, скажу тебе откровенно и сразу: ты — вор.

— Что ты болтаешь...

— Я серьезно. Это чужая машина.

— Как... чужая?

— Краденая. Мы с тобой угнали ее.

— Что... Что ты говоришь?

— Брось прикидываться! Так ли уж ты не любишь чужое? А ворованные детали, что купил по дешевке, помнишь? А покрышку за сто пятьдесят рублей вместо трехсот забыл? — Майка посмотрела на часы. — Так вот: машину мы с тобой украли. Надеюсь, все ясно?

— Майка...

— Что Майка? Запомни навсегда: ты угнал, украд эту машину. Если ты не боишься «срока», возвращайся. Но на суде я первая скажу, что ты сознательно принял участие в краже. И ребята дадут такие же показания.

Подумай, кому поверят? Одному или многим?.. Теперь делай выводы.

Чувствуя, что не в силах совладеть с нахлынувшим вдруг бешенством, Игорь сжал кулаки.

— Выводы?.. — он с размаху ударил ее по лицу. — Вот первый!

Майка закусил губу, сказала срывающимся от злости голосом:

— Боюсь, Гарцев, на этом твое мужество исчерпано...

Игорь рванул ветку, свесившуюся в окно машины, оторвал зубами листок. Ощувив горечь, подумал: «Вот оно, горькое настоящее, горькое будущее. Еще вчера я был порядочным парнем. Вчера... А сегодня жизнь сломана, я — преступник, вор...»

— Ну, решил что-нибудь? — Майка усмехнулась.

Резко переключив рычаг скоростей, Игорь дал задний ход. Решено! Он вернется. Но тогда... тюрьма? Машина остановилась. Нет, ехать нельзя! Слишком ловко они затянули его в свои сети... Теперь уже не будет права честно смотреть людям в глаза. Где же выход? Жить под маской? Под вечной маской, не открывая лица ни перед кем? Как это тяжело...

Игорь закрыл глаза и попытался представить себе, как его в конце концов арестуют. Он не будет сопротивляться, это ни к чему. Милиция все равно сильнее...

Кажется, последнюю фразу он произнес вслух, потому что Майка тут же подхватила:

— Сильнее? Наивный ты парень! Если бы они были сильнее, я бы уже давно была за решеткой. Да что я! Все: Эдик, Левка и другие ребята, — Майка придвинулась к нему. — Послушай...

— Стоп! Не придвигайся... — Игорь угрожающе поднял руку.

— А что? — насмешливо спросила Майка. — Убьешь? Изуродуешь?

— Замолчи!

— Реакция... Ничего, пройдет. Главное — не киснуть! Лева тоже сначала долго не хотел подобрать ключ к родительскому шкафу, однако сделал. Потом денек покапризничал, поныл, да и забыл. Все вы одинаковы.

— Ты меня с этим ублюдком не сравнивай! Если бы он не был твоим братом, я бы его поставил на место... Сволочи вы! — с ненавистью глядя на Майку, сказал Игорь.

— Послушай, Игорек, не глупи! Левка мне такой же брат, как и ты, — это раз. Что же касается некрасивого слова, которое ты сейчас произнес, подумай, не имеет ли оно теперь такое же отношение к тебе, как и к нам?

— Ну, а дальше что? Может быть, поедem в город? Прямо в угрозыск? Или бросим ржаветь здесь?

— Не прикидывайся глупым. Утром подъедут мальчишки, и ты увидишь, не та станет машина. Потом мы ее реализуем. Еще встречаются не очень щепетильные люди, и платят они дорого, понял?

— А если я откажусь?

— Опять глупо. Ты нам нужен, и у тебя будет все, о чем ты потихоньку мечтаешь. Будут деньги, автомобиль и тысяча мелочей, которых нет и не может быть у плембеев. А если ты будешь хорошим и умным, у тебя буду... я.

— А если все-таки откажусь?

— Не советую. Ведь кроме народного есть еще и другой суд, и его приговоры более суровы, — сухо произнесла Майка.

...Нитроэмаль ложилась ровным блестящим слоем, и уже через час прежнюю «Волгу» невозможно было узнать. Городской знак заменен. Номера на двигателе и шасси перебиты. Игорь прочитал протянутые ему Эдиком документы. Фамилия владельца — фамилия Эдика. Цвет и номера на частях совпадают.

— Поймите, Игорь, мы не мелкие жулики, — говорил Эдик. — Здесь все солидно. Вы любите размах, вас привлекает романтика борьбы — все это вы найдете у нас. Риск и опасности? Я не хочу их преуменьшать. Но зато... большие деньги! Вольная, независимая жизнь! Что вас связывает с плебеями? Пусть они ползают, мы же с вами будем парить!

Игорь лихорадочно старался найти какие-то возражения, чем-то ответить на эти скользкие, грязные слова и чувствовал, что не в состоянии. Мыслей не было. Да и что ни говори — поздно.

Видя, что Игорь молчит, Эдик торжествующе посмотрел на притихших членов своей «организации» и, больше обращаясь к ним, чем к Игорю, сказал:

— Подумайте. И попробуйте убедить меня в том, что я неправ.

— Задача тебе ясна? — спросил Бурцев.

— Да. Я должен установить «этого» и выяснить историю с фиктивной справкой, найденной у Влахова. Как будто все...

— Не все, Саша. Интересно узнать, почему Влахов ушел с завода, как он оказался вне коллектива.

— Но, Андрей, прямого отношения к следствию этот вопрос не имеет, и я полагаю, что суд...

— Нет, не только суд, но и мы. Ты меня прости за нравоучительный тон, но почему и как человек иногда становится преступником, почему окружающие не замечают этого — вопрос очень серьезный. Нас тоже должны интересовать причины, порождающие преступление, преступника. Человеческое равнодушие, Саша, — одна из таких причин.

...Сидя в кабинете председателя завкома, Мотыльков с невольной неприязнью рассматривал тяжелые шторы на окнах, зеркальную поверхность стола и бронзового волка на мраморном письменном приборе.

«Богато... Интересно, людей здесь так же любят, как и вещи?» — думал Мотыльков, поглядывая на хозяина кабинета, лысого дядю лет сорока пяти. Вытянувшись в кресле и поигрывая изящной авторучкой, лысый приятно улыбался и тянул вежливо, чуть заискивающе:

— Как же, как же... Рад видеть. Приходилось и нам... Помнится, другие удостоверения тогда были. Да-а... Я ведь, знаете, тоже был сотрудником в прошлом... Приятно вспомнить... Ну, чем, так сказать, могу?

— Интересуюсь бывшим рабочим Влаховым, — подчеркнуто сухо сказал Мотыльков.

Лысый удивленно вскинул брови. Его озадачила прозвучавшая в голосе Мотылькова неприязнь. Но, видимо, приняв ее на счет Влахова, он снова вежливо заулыбался:

— Влахов... Сейчас, минуточку... Вспомнил! Правильно интересуетесь. Ваш приход укрепляет меня в мысли, что мы своевременно избавились от этого типа.

Чувствуя, как в нем поднимается волна злости, Мотыльков принудил себя спокойно сказать:

— Мне нужны факты.

— Извольте. Судим за хулиганство.

— Но он отбыл наказание!

— Это не снимает с него пятна, заметьте! — сказал лысый.

— Ну, а еще какие факты?

Председатель завкома взглянул на собеседника и уже не так уверенно ответил:

— Нездоровые разговоры.

— Какие конкретно? — уже едва владея собой, спросил Мотыльков.

— Вы, товарищ, молоды, вот и нервничаете из-за какого-то, простите, подонка...

— Давайте договоримся: только не подонок. Преступник, если вам угодно. Ясно?

— Ясно...

— Теперь заканчивайте вашу мысль.

— Влахов, видите ли, говорил, что его посадили незаконно. «Пришили дело» — как выражается эта братия, — ухмыльнулся лысый.

— Что еще?

— Все...

Мотыльков поднялся, сухо поблагодарил и вышел из кабинета.

...Секретарь комитета ВЛКСМ, озабоченный паренек с веснушками на маленьком носике и близоруко прищуренными глазами, только разводил руками.

— Что поделаешь? Один в поле не воин. Я пытался...

— Почему один? Вас же много на заводе! Ну, хорошо. Что же все-таки случилось с Влаховым? Почему он ушел? — интересовался Мотыльков.

— Не ушел он... Если хотите знать, «его ушли». Не понравился. У нас тут насчет замечаний и критики не очень привыкли, а Влахову то не так, это не так...

— Что же он, пустой болтовней занимался?

— Нет, Сергей говорил дельно. Да не понравилось это Скатову, председателю завкома.

— И какой же предлог нашли для увольнения Влахова?

— Отказывался работать на разных работах. Давайте, говорит, машину.

— А Скатов?

— Ты, говорит, уголовник. И будь здоров. Не хочешь разнорабочим — не держим. Машины у нас для людей

порядочных. Взять мы тебя взяли. Но раз ты не хочешь работать, в этом никто не виноват.

— Ну, а вы бы дали машину Влахову?

— Вы шутите! От меня это не зависело. Но если бы мог, дал.

...Начальника отдела кадров не было, и Мотылькову пришлось разговаривать с секретарем, маленького роста девушкой в шелковом цветастом платье.

— Я из уголовного розыска. Скажите, кто у вас выдает справки о работе?

— Я. А что?

— Покажите, пожалуйста, бланки.

— К сожалению, они в сейфе, ключ у начальника, а...

— А начальника сегодня не будет, не так ли? — насмешливо закончил Мотыльков.

— Так...

— Но только что отсюда вышел рабочий со справкой! Показывайте!

Растерянно улыбаясь, девушка сунула руку в ящик стола и вытащила несколько подписанных бланков с печатью.

— Вот... Четыре штуки... Остальные в сейфе.

— Только фамилию вписать?

— Да...

— Влахова Сергея помните? Работал он у вас на заводе.

— Помню, но причем...

— Погиб Влахов. Из-за справки вашей в какой-то степени погиб. Из-за Скатова и из-за вас. Не будь у него этой филькиной грамоты, он бы, может, и задумался, как дальше жить. Поняли вы?! — почти крикнул Мотыльков в лицо побледневшей секретарше.

...Мотыльков переходил из цеха в цех и, сверяясь со списком, в каждом спрашивал про «Эдика».

Но вот опрошены все, кого можно было опросить. Ни один из «Эдиков», работающих на заводе, с Сергеем Влаховым не дружил.

С каким же «Эдиком» мог видаться Влахов в заводском клубе? Дело осложнялось. Теперь могли помочь только работники клуба, куда Мотыльков тут же и отправился.

Безвкусно оформленное фойе с развешанными по стенам плохими картинами производило неприятное впечат-

ление. Мотыльков прошел в зал и, заметив около сцены пожилую женщину, которая руководила занятиями хореографического кружка, решил подойти к ней. Представился, показал удостоверение.

— Вы, наверное, давно работаете в клубе?

— Да, лет шесть.

— Рабочих, которые часто посещают клуб, хорошо знаете?

— Знать их не входит в мои обязанности. Но если вы мне объясните, зачем вам это нужно, я, может быть, и вспомню кое-что.

Мотыльков рассказал об убийстве Влахова.

— Я знала Влахова и помню историю с его увольнением... — задумчиво сказала женщина. — Он довольно часто ходил к нам в клуб.

— Вы не заметили, он ни с кем здесь не встречался?

— Влахов два или три раза о чем-то подолгу разговаривал с художником-оформителем клуба. Он у нас проходящий, не постоянный...

— Почему вы запомнили этот факт?

— Мне как-то не нравился наш художник, хотя я за все время не сказала с ним и двух слов...

— Инстинктивная антипатия?

— Пожалуй, да.

— Последний вопрос: как звали этого несимпатичного человека?

— Ему тридцать с лишним, а называли его почему-то Эдик.

...Через несколько часов в уголовном розыске уже знали: Эдуард Чернин, владелец автомашины «Волга», проживает на площади Борьбы, дом пять, квартира двадцать один. Его систематически посещают несколько молодых людей и девушка.

В течение следующих двух дней все члены шайки «голубых моторов» были выявлены, и на столе у Бурцева появился список с их фамилиями и адресами.

* * *

У дверей своего кабинета Бурцев увидел невысокого пожилого мужчину в пыльных кирзовых сапогах и косоворотке,

— Я по объявлению, — сказал он и вытащил из кармана помятую газету. — Велено к вам обратиться, Романов я, пастух. В колхозе «Рассвет» работаю.

Бурцев открыл кабинет, пригласил пастуха войти, усадил его на стул.

— Как я ждал вас, дорогой товарищ! Ну, говорите скорее, говорите!

— В среду, значит, дело было, — начал неторопливо Романов, — иду это я, значит, со своим стадом. Зашел в лесок. Закурить охота, а папиросы все вышли. Тут-то этих двоих и встретил. Парочка, стало быть. Угостите, говорю, молодой человек, папироской... Парень, значит, в твоих, начальник, годах. И девка с ним. Симпатичная. Годков двадцать четыре, не боле. Как сказал я, парень, значит, испугался. С лица аж сменился. Потом молчком сигаретку сунул. Сел я на пенек, закурил, а они к станции подались...

— К Лосиновке! — вырвалось у Бурцева.

— Точно так. Затянулся я пару раз — голова кругом. В глазах потемнело. Затем и вовсе память потерял. Спасибо, пионеры увидели, врача из своего лагеря вызвали.

— А сигарета?

— Видать, там на месте и потерял.

...Они долго бродили по лесу, пока не наткнулись на большой обожженный пенёк. Романов кивнул на тропинку, что петляла меж деревьев.

— Тут они и шли.

Понятые присели в стороне, а Бурцев и пастух ползали вокруг пня на четвереньках, осторожно раздвигая высокую траву.

— Нашел! — вдруг крикнул Романов.

Это был он, злополучный окурочек сигареты, что едва не отправил пастуха на тот свет. Он лежал в небольшой ямке, сизый, с разъехавшейся местами оберткой.

Бурцев аккуратно упаковал находку, присел на пенек, взглянул на тропинку. Да, они прошли здесь, вот тут, в каких-нибудь двух шагах от пня...

...Едва войдя в свой кабинет, Бурцев схватил лупу, навел на окурочек. Синяя водянистая надпись «Дукат»... Но вот укладка табака как-будто не фабричная. Очевидно, убийца выпотрошил сигарету и, размешав табак с сильно действующим наркотиком, вновь набил гильзу.

Через три часа эксперты подтвердили предположение Бурцева. В сигарете был обнаружен опиум.

* * *

В предполагаемом квадрате угона находится на стоянке более сотни постоянно оставляемых машин и несколько десятков временно приезжающих. Что же делать? Ведь сотрудников милиции при всем желании не хватит для обеспечения контроля за всеми участками. Решение не приходило.

От синеватого папиросного дыма в кабинете стало трудно дышать, а Бурцев все курил и напряженно думал.

Зашел Мотыльков, стали собираться и другие участники предстоящей операции.

— Ведь есть же на заводе дружинники, — услышал вдруг Бурцев голос Мотылькова. — Пусть-ка они поработают теперь и помогут нам задержать с поличным убийцу Влахова.

Бурцев облегченно вздохнул и, подойдя к Мотылькову, пожал ему руку.

— Молодец! Умно и вовремя, — и, обращаясь ко всем, продолжал: — Хорошо предложил, дельно. Всех участков мы своими силами не обеспечим, а гарантия успеха должна быть стопроцентная. И поэтому к патрулированию на вспомогательных участках мы привлечем дружину завода. Едем сейчас. Я и Мотыльков. Расскажем им обо всем.

— Подожди. Ты собираешься выложить им все наши секреты? А если кто-нибудь проболтается? Ведь Эдик работал там, у него могли быть дружки. Риск это, по-моему.

— Риск? Нет, Саша. Ты вспомни: Эдик пытался опереться только на Влахова. Чернин был на заводе, как белая ворона, одинок и никому не нужен. Не было у него среди заводских рабочих даже хороших знакомых. Да и не по пути им было с ним... А вообще-то ты приучайся не бояться людей, а опираться на них. Нет, я спокоен, все будет хорошо. Пошли.

...Дружинники собрались быстро. Входили по два, по три, группами. Не прошло и пятнадцати минут, как несколько десятков человек заполнили просторное помещение цеха.

Рабочие сидели на принесенных с собой скамейках, на станках, некоторые забрались на передвижные лестницы.

Когда Бурцев встал, говор, доносившийся из глубины цеха, смолк.

Усилием воли Бурцев подавил возникшее вдруг волнение.

— Товарищи! Мы не случайно пришли к вам. Мы пришли потому, что уверены: именно вы должны помочь нам обезвредить убийц Сергея Влахова. Это ваш долг сегодня, потому что вчера вы не сумели уберечь Влахова, прошли мимо этого человека. Я говорю суровые слова. Они неприятны, но они — правда. Поэтому вы поймете...

Бурцев говорил негромко, но его слышали все. В цехе стояла тишина, и только когда кто-то звонко крикнул: «Правильно!», поднялся шум, прекратить который было уже невозможно. Голос мастера цеха Патапьева тонул в выкриках:

— Поможем!

— Наша обязанность!..

Наконец, стало более или менее тихо. Заговорил Патапьев:

— Со Скатова мы спросим... Тише, товарищи! Спросим, говорю. Но и себя не забудем. Где мы были? Молчите? Мы еще поговорим на эту тему между собой, а сейчас товарищи ждут ответа. Что мы им ответим?

И Бурцев услышал, как десятки голосов, слившись в один, крикнули:

— Поможем!

* * *

Мотыльков взял лист бумаги, набросал несколько цифр, потом взглянул на карту города и проговорил:

— А ведь в квадрате И-8 десять улиц, шесть переулков, два тупика и одна площадь. Каково, а?

— Справимся, — ответил Бурцев.

— Скажи лучше: должны справиться.

Зазвонил телефон. Бурцев снял трубку, несколько секунд слушал, потом кивнул Мотылькову:

— С завода. Выходят. Алло! Товарищ Аргунов, значит вы контролируете площадь и улицы, о которых мы договорились. И тупик хотите? Ну что ж, не возражаю, это просто здорово!

...Бурцев и Мотыльков не спеша шли по улице. Нет, опасения напрасны. Конспирация строго соблюдена. Не-

много больше прохожих — и только. Вот неподалеку от длинной вереницы машин на скамейках сквера расположилось пять молодых людей. Юноши с увлечением читают газеты, девушки беззаботно болтают. Но за этой беззаботностью угадывалось напряженное внимание, настороженность.

— Молодцы, ребята! — восхищенно прошептал Бурцев. — С ними можно горы своротить.

— Все это так, но... слушай, а что если и сегодня вхолостую? — нахмурился Мотыльков.

— Вхолостую, говоришь? Что ж, пойдем завтра, послезавтра. До тех пор, пока преступники не будут взяты с поличным. И осечки больше не допустим, — резко сказал Бурцев и уже спокойно добавил: — Впрочем, это долго не протянется, вот увидишь!

У площади они расстались. Мотыльков направился к мосту с тяжелой чугунной оградой. В случае удавшегося угона путь похитителя должен был проходить через него: мост связывал район с центральной городской магистралью. А Бурцев пошел в отделение.

Усевшись за выдавший виды стол, он мучительно сжал виски. Как это нелепо! Он, следовательно, докопавшийся, наконец, до преступников, должен отсиживаться в этой глухой комнате и ждать, ждать, ждать... Конечно, хочется быть там, на «передовой», но руководить перемещением дружинников и потом по первому сигналу блокировать угонщика со всех сторон — это, пожалуй, не менее, а более ответственная задача!

Вошел шофер, приложил руку к козырьку:

— Прибыл по вашему приказанию, товарищ капитан.

— Садись. Жди.

* * *

Мотыльков стоял на мосту. Стоял и ждал. Пожалуй, ему никогда еще не приходилось ждать с таким волнением. Выкурена одна пачка «Дуката». Раскрыта вторая. И вдруг...

— Товарищ старший лейтенант! — крикнул орудовец, высунувшись из своего «стакана». — Угон! С Большого Кирпичного переулка, от дома 25! «Волга» черного цвета, через минуту будет здесь. Я перекрою движение.

Предсказание орудовца, однако, сбылось тотчас же. Вихрем вырвалась из-за бульвара черная «Волга» и, лавируя между машинами, устремила к мосту. Это были секунды, когда поступки опережают мысли, когда время точно останавливается, и все кругом замирает.

Мотыльков выскочил на середину проезжей части моста и распростер руки. Сначала красный глаз светфора на миг заслонило что-то черное. Потом перед Мотыльковым выросла «Волга». Отчетливо, до боли в глазах он увидел прямо перед собой преступника — безумное лицо с закушенной губой. Неужели опять уйдет?! На какой-то миг взгляды их встретились. «Ты не посмеешь наехать на меня!» — кричали глаза Мотылькова.

Игорь рванул баранку вправо. Оглушительный скрип тормозов, стремительно надвигающиеся перила моста и... мягкий толчок. Поздно... Не успел!

...Бурцев стоял на мосту до тех пор, пока не зажглись звезды. Думал: «Когда-нибудь этот мост назовут Сашиним именем. Это обязательно будет. Но кто вернет друга?..»

* * *

Эдик взглянул на часы. Странно, уже более сорока минут прошло, а Игоря все нет. От Большого Кирпичного до бульварчика, где он ждал его, тридцать минут самой тихой езды. А ведь Гарцев едва ли поедет медленно.

Эдик вскочил со скамейки и нервно прошелся по аллее. Кто-то толкнул его в спину. Вздвогнув, Эдик отпрянул в сторону.

— А, это ты, — он взгляделся в бледно-зеленое Славкино лицо.

— Врешь!..

Схватил Славку за тонкое запястье, рывком усадил на скамейку.

— Ну!

— Гошку взяли... Милиционера задавил. Я после прибежал... На мосту... Когда движение перекрыли — он на красный свет...

— Насмерть задавил?!

— Угу... Его еще на Кирпичном чуть не зацапали...

Эдик скомкал пачку сигарет. Просеивая сквозь пальцы табак, глухо спросил:

— К-как все это в-вышло? С-со всеми подробностями...

— Я стоял у магазина, как и уговорились. Подъехала «Волга». Водитель в магазин. Я за ним. Тот в очередь встал. Минут на десять. Я вышел и раскрыл книгу. Гошка — к машине. Только за дверцу взялся, как к нему трое. Пацаны, лет по двадцать. Я их и раньше видел, стояли недалеко от магазина. Гошка успел, с места рванул... А на мосту...

Эдик громко выругался.

— Продали, ясное дело! Но кто, кто?

Сорвал шляпу, вцепился в волосы, застонал. Славка испуганно оглянулся.

— Тише!.. Не могли нас продать. Нас-то всего ничего! Майка да Алик.

— Ты прав... Но тогда как же они разгадали план?.. Что теперь делать, Славик?

— Я б улетел, если бы деньги были. В Алма-Ату. Дядька там у меня.

— Улетел бы... — Эдик задумался. — А ведь это... Прощай!

— Ты куда?

— Так, в одно место.

— А я?

Эдик пожал плечами.

— А Майка, Алик?..

— Ты наивный болван, вот и все, что я тебе скажу на прощанье.

Славка схватил Эдика за рукав.

— Дай мне денег на билет.

— Не то продашь?

— Продам. Вот сейчас вцеплюсь тебе в глотку и заору.

— Сволочь. Бери, подависы!

Эдик вытащил несколько сотенных бумажек, сунул Славке за пазуху и зашагал прочь. Славка нахлобучил на глаза кепку, повернулся и замер: от дерева отделились две фигуры и неторопливо двинулись ему навстречу. Он понял — все кончено. Где-то в конце аллеи метнулся светлый плащ Эдика, и тотчас же грохнул выстрел.

Чернин поморщился, презрительно смерил Бурцева глазами.

— Угоны? Было. Убийство? Нет!

— Думаете, удастся избежать ответственности?

— Уверен. Зря стараетесь, капитан. Вы это дело мне не клейте, не такой я глупый. Договоримся сразу: есть бесспорные доказательства — будет преступление, нет доказательств — извините.

— Забавно. Что же вы понимаете под словом «бесспорные»?

— Очевидцев и только их. На худой конец — убедительные вещественные доказательства.

— Хорошо.

Бурцев достал из ящика окурки, акт экспертизы табака, протянул через стол. С удовлетворением следил, как медленно разливается по лицу Эдика нездоровая желтизна.

— Окурки? Ну и что? Я-то тут при чем?

— А при том, что один окурочек найден на месте убийства Влахова, а вторую сигарету курил Романов, пастух. Вы его угостили в лесу... Будете говорить?

— Нет! — рычит Эдик.

...Романов робко просунул голову в дверь, вошел, прижимая к груди мятую кепку.

— Что требуется, товарищ начальник?

Бурцев улыбнулся.

— Нужно вот что. Посмотрите, нет ли среди трех человек, сидящих здесь, ваших знакомых? А если есть, то скажите, откуда вы их знаете. Предупреждаю, вы должны говорить только правду.

Едва успев повернуться, Романов сжал кулаки и бросился к Эдику.

— Он! Чтoб мне с места не сойти! Товарищ начальник! Дай я ему хоть раз врежу! От души! Дай, а? Ведь едва жизни меня не решил, гад!

Эдик, отодвигаясь от наскрывающего пастуха, прижался к стене. Зло посмотрел на Бурцева.

— Уберите эту экспансивную личность... Вы же видите, он сам норовит привести приговор в исполнение.. Ладно. Доказательства у вас, к сожалению, есть.

Запах свежей краски, звонкие голоса, хлопанье дверей и, наконец, трель звонка — первое сентября!

Студенты сидели кто на чем: на стульях, на столах, чемоданчиках, подоконниках и горячо рассказывали друг другу о летнем отдыхе.

Володя Захаров, плотный, высокий блондин, восхищался Тбилиси. Гога Кавтарадзе снисходительно улыбался. Взгляд его говорил: тоже мне, первооткрыватель Америки, конечно, Тбилиси — самый красивый город!

— Понимаете, вечером смотришь с фуникулера, вид, словно внизу не земля, а небо, местами вроде поменялись, в звездах все!

— Я тоже была на Кавказе, только в Гагре, — щербетала маленькая загорелая девушка, — не понравилось, ужас!

— Зачем так говоришь? — с акцентом спрашивал Гога. — Скажи лучше: слабая, спортом не занималась, на горы не могла лазить, ничего не видела!

Женя Иванов, комсорг группы, приподнялся и внимательно оглядел аудиторию.

— Ребята, а где Гарцев?

— На гонках, — пошутил кто-то.

— Странно, — задумчиво сказал Иванов, глядя на часы, — звонок, а его нет. Не думал, что Гарцев может опаздывать.

— Опять ты, комсорг, за свои сухие выводы, — сердито промолвил Гога. — Что же здесь странного, если человек раз в жизни опоздал? А может, с Игорем что-нибудь случилось?

Вошел преподаватель, высокий седой человек с крупным лицом. Весело оглядел студентов.

— Возмужали. Загорели. Молодцы.

Он всегда говорил отрывисто, короткими фразами. Семинар начался. Профессор расхаживал по комнате, сосредоточенно стучал мелом по доске, выписывая сложные формулы, потом, подойдя к карте, забылся и начал с жаром рассказывать о своей поездке на Сахалин этим летом. Вдруг он неожиданно замолчал и уставился в угол.

— Слушайте, друзья мои, а где же наш чудо-шофер? Где Гарцев?

— Не знаем... — раздался неуверенный голос.

— То есть как это не знаете? Кому же еще знать?

С минуту в аудитории стояла тишина. Потом профессор откашлялся и сказал:

— Нехорошо-с.

В перерыв студенты гурьбой двинулись на второй этаж, в деканат. Подошли к секретарю.

— Не знаете, что с Гарцевым? — спросил Захаров. — Может быть, заболел?

— Гарцев? — переспросила секретарь, не поднимая глаз. — Арестован Гарцев.

* * *

Судья Ревякин не впервые читал обвинительное заключение об убийцах и угонщиках. Видел он и тех и других за свою долгую судейскую практику. И все же Леонид Игнатьевич после знакомства с делом долго мерил кабинет большими шагами и думал. Он всегда немного терялся, когда получал такие дела. Было просто по-человечески больно и обидно.

Почему? Кто сделал их такими, этих парней? Отчего Чернин, юность которого начиналась в зареве войны, а заканчивалась в грохоте комсомольских строек, шагнул на другой, страшный путь?

Домой Ревякин шел пешком, по бесконечному бульвару Свободы. Молодые липки, вывезенные из леса, зябко дрожали на холодном ветру, тоскливо шумели полуосыпавшимися ветвями.

Около своего подъезда Ревякин неожиданно увидел нескольких молодых людей. Девушки сидели на скамейке, парни стояли рядом и курили. Пригляделся. Никто из них не был ему знаком.

Он хотел было уже пройти в подъезд, но навстречу ему вышел долговязый парень.

— Простите, вы не товарищ Ревякин?

— Да, я Ревякин.

— Дело у нас к вам, товарищ судья.

— Вот как? Ну, выкладывайте, что у вас, — он присел на край скамейки.

— Мы студенты. Из горного... — Женя Иванов сделал паузу.

— Ну и что же?

— Мы в одной группе с Игорем Гарцевым...

— Так, так, — Леонид Игнатьевич внимательно оглядел каждого, помолчал, не спеша закурил. — То-то листал я дело, а про вас нигде и не прочел. Почему, думаю, не поделились ребята со следователем о том, как учился Гарцев, как вел себя в институте?

— Если б мы были здесь, — сказал Гога, — конечно, пришли бы. Все ведь случилось в каникулы. На экзаменах вроде все было в порядке.

— Вроде... — протянул Ревякин. — С экзаменов-то это и началось. С немецкого языка. Что получил Гарцев по немецкому?

— Тройку.

— А вообще учился как?

— Отличник был... Но мало ли с кем это может случиться? — Иванов пожал плечами. — У меня вот тоже по немецкому трояк.

— А Игорь почему получил тройку? Потому что перед экзаменом всю ночь пьянствовал. С теми, кто сядет с ним на одну скамью. И кто-то из вас знал об этом, не так ли?

— Ребята... — пробормотал Володя Захаров, — я знал. Но я не думал... Одним словом, мне Игорь сам сказал, когда из аудитории вышел. Улыбнулся и говорит: знаешь, Володя, голова гудит, ни черта не помню. Тройка при данной ситуации — счастье! Я спрашиваю: ты что, заболел? Смеется: с моим-то здоровьем...

— С этой ночи все и началось... — вздохнул Ревякин. — Вот видите, ребята, как надо быть внимательными друг к другу. Казалось бы, такое частное событие: товарищ получил тройку. Тройка-то ведь не двойка. Но это не все. Целый месяц Игорь был наедине с преступниками. Угнал две машины. Ходил по ресторанам. Где же вы были, ребята? Ведь некоторые из вас оставались в городе?

— Оставались...

— И с Игорем никто не встречался?

Наступило неловкое молчание. Ревякин в сердцах погасил папиросу. Сказал, сурово сдвинув брови:

— Плохо, очень плохо. Однако времени уже много, пойду. Скоро суд. Приходите. Всего хорошего.

Он ушел.

— Дела... — протянул Володя Захаров. — Прав Ревякин. Черствые, оказывается, мы, ребята! Черствые и равнодушные!

* * *

Утром Эдика и остальных вывели к центральному выходу. Сникшие, будто полинявшие под осенним дождем, «голубые моторы», заложив руки назад, по одному вышли и сели в закрытую серую машину.

Ехали молча. Когда на поворотах силой инерции их прижимало друг к другу, от главаря инстинктивно отодвигались, словно стараясь не запачкаться. Он видел это. Изредка, как затравленный зверь, бросал на остальных то злобные, то умоляющие взгляды. Левка и Алик отводили глаза, делая вид, что ничего не замечают. Майка смотрела прямо перед собой тупо и равнодушно. Вряд ли они были лучше своего предводителя. Но так уж повелось: среди злобных и алчных не принято поддерживать обреченных.

А Эдик знал, роковое слово будет произнесено: «К расстрелу!...» Да, это он услышит. Только это.

Ладони становятся холодными и липкими. Где-то в глубине появляется мелкая противная дрожь... Нет! Нет! Серж все равно мертв. Машины все равно угнаны. Того, что было, нельзя изменить, нельзя исправить. Пусть они поймут это! Кричать! Выть! Кататься по полу, хватая их ноги, умоляя, выпрашивая, но этого слова не должно быть произнесено. Жить! Ему должны сохранить жизнь... Эдик стискивает голову непослушными, трясущимися пальцами и, привалившись к холодной стенке кузова, глухо стонет.

...— Прошу встать, суд идет!

Это сказано негромко, но значительно, веско, и в наступившей тишине отчетливо слышно каждое слово.

— Слушается дело по обвинению Чернина Эдуарда Александровича, Гарцева Игоря Николаевича...

Замерли по краям барьера солдаты с винтовками. Что-то записывает за своим столом один из защитников. Игорь не слушает. Зачем? Он знает, в чем его обвиняют... Вор и убийца! Именно эти два коротких и страшных слова только что сказала своей соседке

вон та старушка в пуховой шали, показав в сторону Игоря.

— Подсудимый Чернин! Признаете себя виновным?

— Некоторым образом... Как и все, кто сидит рядом со мной...

— Даже здесь хотите остаться главарем? Отвечайте только за себя. Расскажите, при каких обстоятельствах вы организовали шайку, в состав которой входили остальные подсудимые, и какие преступления были совершены этой шайкой.

Эдик говорит медленно, часто сбиваясь и по нескольку раз повторяя одно и то же. Изредка слышатся возмущенные возгласы, иногда гул становится настолько сильным, что судья строго смотрит в зал и требует тишины...

— Значит, вы убеждены, что все продается и покупается?

— Да... нет, вернее. Думал так когда-то.

— Расскажите, как вам удалось завербовать Влахова и Гарцева?

— Слаб был Гарцев насчет металла. И погиб за него, — криво усмехается Эдик. — А Влахов, тот мстил, так сказать... В общем, все правильно. Все равно мне. Да, все продается, все покупается! Это смысл всей моей жизни!..

— Не юродствуйте, подсудимый. Суд хорошо представляет себе, в чем так называемый «смысл» вашей жизни. Объясните, почему вы решили завербовать именно Гарцева?

— Гарцев оказался единственным среди гонщиков, кто подошел нам и как водитель, и как человек. Проверяли многих...

— И что же?

— Так... Без толку. У кого — машина, у кого — семья или институт. Было в жизни что-то главное и не было... гнили в душе. А Гарцев попался...

Игорь встречается взглядом с Майкой, и та опускает глаза. Судья прерывает Чернина:

— Гарцев, как вы сами сказали, единственный. Вы знали и раньше: не все продается. Не так ли, подсудимый Чернин? Молчите? Может быть, вам и не суждено это понять, но вы были обречены на провал

с первого дня существования шайки. И именно потому, что таких, как Гарцев, единицы. Вы действовали подобно маленьким ничтожным микробам в сильном организме и были побеждены.

— Микробы тоже иногда побеждают.

— Но общеизвестно, что для развития любой дряни нужна благоприятная среда, а вы шофера-сообщника едва нашли. Даже ваш соучастник Влахов понял в конце концов, к чему пришел, и оставил вас... Продолжайте ваши показания.

— Мы опасались, что Гарцева с помощью мелкого шантажа не удержать, он не глуп и, конечно, понимал, что за покрывашку и детали его не арестуют. Тогда и был организован этот известный вам угон. Мы поставили Гарцева перед свершившимся фактом. Когда он опомнился, он был уже вором.

— Понятно. Подсудимая Зотова! Расскажите о вашей роли в вербовке Гарцева.

Майка говорила обстоятельно, подробно, подолгу останавливаясь на собственных переживаниях и чувствах. Но факты она излагала сухо.

— Когда мы узнали о том, каким классным водителем является Гарцев, мне поручили начать вербовку. Влюбить его в себя. Проверить душу. А потом обмануть, заставить угнать чужую машину под видом безобидного выезда на своей собственной. Наш план удался.

— Нет, ведь вы на скамье подсудимых.

— Да... — вспыхнула Майка.

Шли часы. Крупица за крупицей во всей своей отвратительной, ничем не прикрытой наготе вырисовывалась правда о «голубых моторах». Правда о последствиях разбитого прошлого, о неустойчивых и слабых...

— Расскажите о системе, по которой вы совершали преступления.

Главарь молчит. Сейчас хорошо видно, что ему около сорока. Пожелтевший, с мешками под глазами и обвисшими щеками. Истасканный и поблекший. Будто пытаясь что-то проглотить, он невнятно бормочет:

— Не могу... — и бессильно опускается на скамью.

— Отвечайте вы, Холодов.

Левка нервничает. Он знает, чем для него может кончиться этот суд. Конечно, не так, как для Эдика и Майки, они убийцы, но он... Пистолет-то его отца. Ка-

ждый раз, выходя на «дело», доставал он из стола блестящий никелированный «Вальтер» и опускал в задний карман. На свидании мать сказала, что отца исключили из партии и уволили с работы. Домой теперь никогда не вернуться, отец не простит... Но ведь не пользовались этим оружием ни разу! И все же... Следователь сказал: могли воспользоваться. Могли! Иначе зачем бы брали с собой? Левка отчаянно всматривается в зал, пытаясь найти отца. Нет, наверное, не пришел...

Встал прокурор.

— В связи с тем, что отец подсудимого Холодова находится в зале, у меня имеется к нему несколько вопросов.

В задних рядах тяжело поднялся человек в полумоленной форме. Опустив голову, он медленно прошел между рядов.

— Вы отец обвиняемого Холодова?

— Да.

— Где и кем работаете?

— Я был начальником конторы связи.

— По роду службы вам было доверено оружие. Где вы его хранили?

— Дома, в столе. Я нарушил инструкцию; но... не мог же я не доверять собственной семье!

— Скажите, когда вы первый раз обратились в милицию по поводу поведения вашего сына?

— Год назад, в августе, числа не помню. Пришел домой с работы, и жена мне рассказала, что шесть тысяч рублей... Мы приготовили их для поездки на курорт... Ну и вот, съездили... Украл деньги, одним словом. Из шкафа. Я пошел в милицию...

— Дальше.

— Оказалось, что деньги украл Лева... то есть наш сын.

— И при подобной ситуации вы решились положить пистолет в стол! Это — преступная небрежность, гражданин Холодов, которая, к счастью, не имела, но могла иметь очень тяжелые последствия!

— Вынужден согласиться.

— Можете быть свободны, — прокурор повернулся к суду. — Я полагаю, что сейчас целесообразно допросить родственников подсудимой Зотовой, а затем продолжить допрос Холодова.

Они вошли одновременно: франтоватый пожилой мужчина с подкрашенными усами и дряхлый старик в поношенном пиджаке.

— Гражданин Зотов, знали ли вы, что у вашей дочери имеется сберегательная книжка?

— У Майи? — встрепенулся франт. — Она же полгода не работала!

— А между тем последний вклад — пять тысяч рублей — внесен около месяца назад.

— Пять тысяч рублей? — охнул старик. — Утаила, значит, от деда, а?

Судья с неприязнью взглянул на него.

— Гражданин Луков, расскажите о своем участии в воспитании внучки. Кстати, гражданин Зотов, почему не явилась ваша жена?

— Видите ли, у нее мигрень.

Майка усмехнулась, бросила:

— У нее всегда мигрень, если пахнет неприятностями.

— Вы будете говорить, когда суд разрешит вам, Зотова. Итак, гражданин Луков, суд слушает.

— А чего здесь рассказывать! Этот вот, что отцом ее называется, во всем виноват.

— Конкретнее, о себе расскажите.

— А что о себе. Воспитывал, как надо. Когда ушла Майя от отца с мачехой, разрешил ей жить в своей комнате. На обед денег давал.

— Только ли?

Старик красноречиво смотрит на Майку. Та брезгливо морщится.

— Подсудимая Зотова, скажите, брал ли у вас деньги Луков?

— Брал.

— Зачем?

— От жадности. Как куплю себе платье, он сразу: давай сотенку.

— Луков спрашивал, откуда у вас деньги?

— Нет.

— Есть ли вопросы у прокурора?

Прокурор снял очки и, прищурясь, пристально посмотрел на Лукова.

— Я полагаю, что суду ясна вся глубина падения не только подсудимой Зотовой, но и в не меньшей мере тех, кто обязан был думать о ее воспитании в прошлом и о моральном облике в настоящем. И все же у меня есть вопрос. Скажите, свидетель Зотов, почему ваша дочь шесть лет назад оставила ваш дом?

Лицо Зотова приняло малиновый оттенок. Пальцы рук нервно забегали по пуговицам.

— Совестно говорить, но скажу. Комната одна, а я женился второй раз. И... трое в одной комнате. Вы меня понимаете?

— А вы не стесняйтесь, говорите яснее.

— Хорошо. Майя мешала жене, и та принудила меня удалить ее к деду.

— Подсудимая Зотова, вы подтверждаете показания вашего отца?

Майка сухо кивнула.

— Да. На этот раз он говорит правду. Мне-то всегда лгал. Говорил: дед старый, скоро того... Если не поселишься у него, комнату потом отберут.

— Так я же о тебе заботился! — вырвалось у Зотова. — Надо смотреть на эти вещи философски, не маленькие.

Один из адвокатов, полный мужчина со склеротическим румянцем, сказал:

— Я прошу разрешения задать в связи с этим вопрос своей подзащитной... Скажите, Зотова, помогал ли вам материально отец, когда вы жили у деда?

Майка покачала головой.

— Пока была жива мама, я имела все, что хотела, а потом сразу всего лишилась. Словом, из речки в болото, извините, бултыхнулась.

— Повлияло ли это на то, что вы стали преступницей?

— Это основная причина. Надо было привыкать к трудовой жизни, жизни без излишеств, а я не смогла. Вот и связалась с этими бандитами.

— Садитесь, Зотова. Теперь вы, Холодов. Вопрос тот же: о системе угонов.

Левка встал, исподлобья обвел глазами зал.

— Чернин говорил: милиция стала неплохо работать, но мы победим «городовых» умением.

Эдик передернул плечами:

— Молодой человек старается унижить меня. Не «городовых», а милицию. Я так и сказал: милицию! Жаргон бесконечно чужд мне...

— Помолчите, Чернин! Сотрудников милиции не может оскорбить ваш грязный ярлык. А для исхода дела это безразлично. Продолжайте, Холодов!

— Он придумал разделить наиболее заселенную часть города на шестьдесят четыре квадрата. Из левого нижнего угла делаем ход конем вправо-вверх. И в том квадрате, куда попадет конь, выявляем всех подходящих частных. Мы искали таких, находили, а потом при благоприятных условиях Чернин с ними знакомился, пускал пыль в глаза и все. Слепок с ключа или сам ключ — и машина наша. А потом в следующий квадрат, вслед за конем, вправо-вверх. Попробуй, догадайся: система здесь или случайность. Нас погубила нелепость. Та же случайность, в общем... Граждане судьи, я, конечно, раскаиваюсь, но не найди милиция сетку...

— Ошибаетесь, Холодов. Случайности никакой не было. Разве случайно, что Влахов, поняв всю низость и подлость вашей так называемой организации, решил пойти в милицию? Это закономерно! И если не пришел Влахов, пришел бы в конце концов Гарцев! Пришли бы и другие, потому что невозможно кучке негодяев долго скрываться среди хороших, настоящих людей! Вы и существовать-то могли отчасти только потому, что находили поддержку у таких, как Джамал Калиев. Но и он не больше, чем жалкая тень минувшего. Не вздрагивайте, Чернин. Калиев разоблачен так же, как и вы. Дело на него выделено в особое производство и будет слушаться по месту его жительства.

...— Подсудимый Шабанов, сколько вам лет?

Услышав вопрос прокурора, Алик втягивает голову в толстые плечи и медленно поднимается.

— Двадцать восемь.

— Образование?

— Шесть классов.

— Расскажите о вашей последней сделке с Калиевым.

— В деле есть...

— В деле есть, но, к сожалению, не все. Вчера суд получил заявление от Калиева, в котором говорится, что «Волга» была продана вами не за пятьдесят тысяч, а за шестьдесят, так ли это?

Эдик поворачивает голову и смотрит на Алика долгим свирепым взглядом. Тот ловит этот взгляд, прячет глаза и выдавливает:

— Какое это имеет значение сейчас... Да, за шестьдесят.

— Подлец! — вырывается у Чернина.

— Как говорится, вор у вора, — мрачно усмехается один из народных заседателей, собранный мужчина в зеленом кителе.

* * *

— Слово предоставляется государственному обвинителю, советнику юстиции Салынскому.

— Товарищи судьи! Приступая к выполнению своей последней обязанности на этом процессе, я считаю необходимым прежде всего сказать о следующем. Воспитательное значение суда состоит, в частности, в том, чтобы наглядно показать всем присутствующим, что каждого преступника неотвратимо ждет наказание. Наша задача — сказать громко, сказать во весь голос: никто не может совершить преступление безнаказанно! Карающая рука народа всегда настигнет любого преступника!

Я задерживаю ваше внимание на этом еще и потому, что все мы стали недавно очевидцами сомнений подсудимого Холодова в неизбежности кары. Напрасно сомневаетесь, Холодов! Вы сидите на скамье подсудимых, и это реальный факт. Рядом с вами Чернин, Зотова и другие. Через некоторое время будет вынесен приговор по вашему делу, и это будет означать, что наказание настигло вас неизбежно, неотвратимо, несмотря на все ваши ухищрения.

Товарищи судьи! Я считаю также своим долгом остановить ваше внимание на моральном облике некоторых подсудимых.

Наиболее мрачной фигурой среди так называемых «голубых моторов» является, несомненно, подсудимый Чернин. Я недаром подчеркнул название шайки. Вдумайтесь в него и вы поймете, что оно не случайно. Все

знают, что в прошлом о представителях дворянства, аристократии говорили: в их жилах течет «голубая» кровь. Этим хотели подчеркнуть отличие «высших» от «низших», исключительность и превосходство «высших». Чернин тоже старался внушить своим сообщникам мысль об их превосходстве над остальными людьми. Вспомним показания Гарцева по этому поводу, показания Зотовой и других. Чернин говорил им: «Пусть идиоты едут строить города в тайге. Не все ли равно, где умирать. Умные останутся в своих обжитых городах, потому что главное — жить красиво. Героизм — в прошлом». Нет! Вы лжете, Чернин!

В жизни советских людей всегда есть место героизму, подвигу. Недавно мы все узнали, как погибла девушка-крановщица, погибла, чтобы спасти жизнь десятков людей. Она до конца жила для людей и в этом — подвиг!

А наша молодежь? Тысячи парней и девушек совершили героический подвиг на целине, на той самой целине, которой вы, Чернин, боялись больше всего на свете. И эти молодые люди, живя на новых землях, подчас в очень трудных условиях, иногда недосыпая и недоедая, не думали о себе. Они строили прекрасное будущее, и таких миллионы! А вы — один. Нет, Чернин! Сила хороших людей всегда ломит гнилую солому одиночек. Некоторое время вы могли влиять на ваших сообщников, и это привело, например, подсудимого Холодова к тому, что он после смерти Влахова пришел в комнату умершего поживиться деньгами и вещами, кстати, тоже нажитыми бесчестным путем. Вор пытался обокрасть вора, и это закономерно, ибо разве может быть крепкой воровская шайка, всегда основанная на несправедливости?

Несколько слов о Вячеславе Лузгине. Он — прихвостень. Да, всего лишь мелкий прихвостень, ничтожный и жалкий. Он поднимал руку или подавал иной знак во время «дела», означающий, что можно действовать. Этим ограничивалась его роль. Он не принимал активного участия в кражах, не убивал, и тем не менее я буду просить для Лузгина строгого наказания. И вот почему. Я убежден, что такой, как, например, Гарцев, глубоко пережив случившееся, никогда больше не вер-

нется к старому, потому что он до конца все понял, и это видно по его поведению на предварительном следствии и здесь, в суде. А Лузгин — нет. Он ничего не понял. Думает легко отделаться на этом суде, а там видно будет. Не выйдет, Лузгин!

Товарищи судьи! Я должен упомянуть и о тех, кто своим равнодушием, своим невмешательством способствовал тому, что шайка могла действовать. Я не говорю о родителях типа Зотова и Холодова. Здесь все ясно. Я хочу сказать о товарищах Игоря Гарцева, о свидетельнице Эпшиц.

Сначала Гарцев стал пьянствовать, потом плохо сдал экзамен. Это никого не насторожило. Наступили каникулы. И хотя в городе оставалось много студентов из группы Гарцева, они жили каждый сам по себе, не интересуясь, кто из них чем занимается. И произошло страшное: Гарцев на скамье подсудимых. Я прошу суд вынести в адрес комсомольской организации института, в котором учился Гарцев, частное определение. Пусть оно напомнит равнодушным истинное значение слов «товарищ» и «друг».

Бывает, совершается преступление, а рядом никого нет, некому остановить преступника, задержать его. Но если вы все видите? Тогда преступник должен быть задержан и обезврежен.

Гражданка Эпшиц жила и рассуждала по принципу: «моя хата с краю». Она догадывалась, что у ее соседа по дому угоняют машину, но промолчала и не приняла никаких мер к предотвращению преступления. Остается пожалеть, что закон не наказывает за подобное равнодушие, граничащее с пособничеством преступнику. Но вы можете быть уверены, гражданка Эпшиц, что в этом зале, да и вообще повсюду, очень мало таких, кто одобряет ваше поведение. А презрение людей — самое страшное наказание!

...Игорь смотрел на посуровевшие, напряженно-внимательные лица людей. Они были совсем близко, всего в нескольких шагах от барьера, за которым сгорбились подсудимые. Но как он ни вглядывался, стараясь увидеть хоть один сочувствующий или просто жалостливый взгляд, он не увидел ничего, кроме осуждения или неприязни. Казалось, все эти глаза безмолвно говорили: «Нет! Ты не заслуживаешь ни сочувствия, ни жалости!»

Ты преступник и отвечай за свои преступления. Отвечай, а потом докажи делом, что ты еще можешь стать человеком».

* * *

Когда судья предоставил слово защитнику Гарцева, с места поднялся широкоплечий пожилой человек с аккуратно подстриженной бородкой. Он взглянул на Игоря и начал уверенно и твердо:

— Выступавший здесь представитель государственного обвинения достаточно подробно говорил о тех, кто толкнул моего подзащитного на совершение преступления, кто вольно или невольно способствовал этому.

Я попытаюсь ответить на вопрос: можно ли считать Гарцева неисправимым преступником? Можно ли думать, что в его душе нет тех здоровых начал, которые помогут ему вернуться в мир честных людей?

Кто такой Гарцев? Случилось так, что детство у него было тяжелое. Когда он был еще малышом, его отец, старший лейтенант Гарцев, погиб смертью храбрых в бою под Москвой. Через несколько месяцев от сыпняка умерла и мать. Игорь воспитывался в детском доме.

Воспитание в коллективе — здоровое воспитание. Именно в коллективе прививаются лучшие качества человеческого характера. И нельзя сказать, что у Гарцева их нет, этих качеств. Возможно, это звучит парадоксально: угонщик, убийца (правда, неосторожный) — и лучшие человеческие качества. Чтобы обосновать это, я позволю себе привести два примера.

Когда Игорю было всего лишь одиннадцать лет, он спас человека. Он, рискуя собственной жизнью, не колеблясь протянул руку мальчику, угодившему в прорубь и начавшему тонуть. А если бы он не сделал этого, тогда бы в списках студентов инженерно-строительного института не было бы имени Николая Садова. Кстати говоря, он присутствует здесь, на суде.

Второй пример. Он взят уже из недавнего прошлого. Студент Володя Марков, товарищ Игоря по институту, поссорился с родителями и ушел из дома. Родители возражали против его женитьбы на девушке, которую он любил. Скандалы привели к тому, что на экзамене

Володя получил двойку и лишился стипендии. Молодожены оказались в крайне тяжелом материальном положении. И что вы думаете? Игорь Гарцев, этот «стяжатель», отдает им свою стипендию, сам живя впроголодь. Случай помог мне узнать об этом. Володя Марков тоже здесь, в зале.

Игорь Гарцев — преступник, но это не бандит, окончательно потерявший человеческий облик. И я позволю себе утверждать, что он уже многое осознал. Поэтому я надеюсь, что суд сочтет возможным смягчить моему подзащитному меру наказания...

* * *

Уже много раз Игорь проходил здесь, с первого дня суда. Путь знаком до мелочей: поворот и лестница со ступенькой, у которой выщерблен край; покрашенная коричневой масляной краской стена; зигзагообразный паркет, переходящий в линейный. Вот на этой прямой линии, протянувшейся на границе зигзагов и прямоугольников, всегда много-много ног. Они переступают, исчезают и появляются вновь. Вчера он заметил, что узнает некоторые... Узнает... ноги, потому что не смеет поднять глаза.

Осень. Слетают листья с клена, который так хорошо виден из зала, когдаходишь... Облетят листья, и все кончится. Уйдут в прошлое «голубые моторы», начнется другая жизнь. Она будет совсем не такая, как прежде. Слишком дорогой ценой приходится расплачиваться даже за один ложный шаг, даже за никому неведомую душевную червоточинку...

Ссутулясь, забрался в машину. Неясный блеск солнца на стальных решетках-дверях да ровный рокот мотора — вот и все, что осталось... Но жизнь вернется! Она обязательно вернется. Все дело за тобой, только за тобой...

Пусть суров приговор суда, но он справедлив. Пусть осыпались листья со старого клена. Пусть. Они отжили свое. А будущей весной снова лопнут крепкие маленькие почки, и молодые, полные сил листки вырвутся к новой и радостной жизни.
